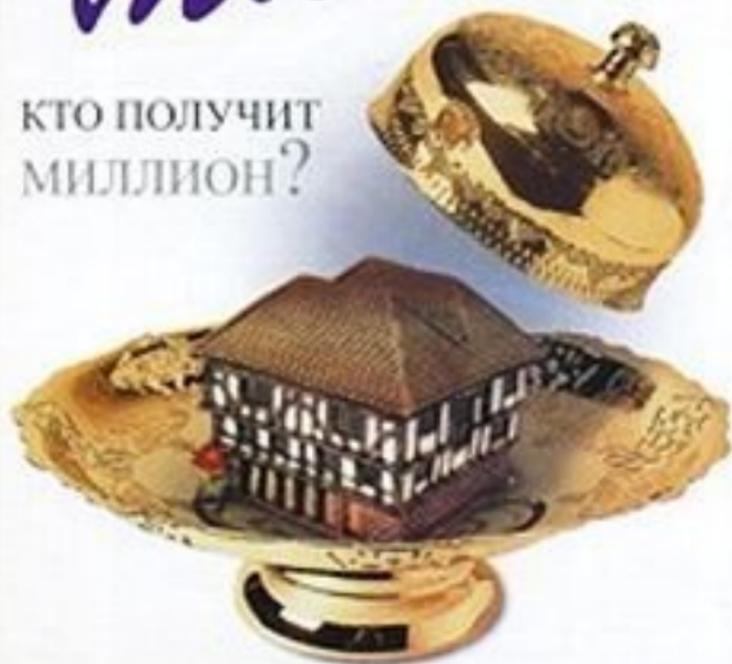

ЕЛЕНА КОЛИНА

Наивные
наши
тайны

КТО ПОЛУЧИТ
МИЛЛИОН?

АСТ

Елена Колина

Наивны наши тайны

Текст предоставлен издательством АСТ
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=434465
Наивны наши тайны/ Елена Колина: Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-053342-8, 978-5-271-26360-6

Аннотация

Вам бы хотелось узнать, что происходит в большом красивом доме за высоким кирпичным забором? Культовый писатель Кир Крутой создал тайну из своей жизни и секрет из самого себя. Его личная жизнь – три любовницы, жена, признанные и непризнанные дочери. Кир Крутой внезапно умирает во время приема. Кто же получит его наследство – миллион долларов? Его жена, владелица ресторана, успешный персонаж модной тусовки, любовница актриса, соавтор или дочери – светская барышня, скромная студентка или провинциальная Золушка? В борьбе за наследство совершается преступление, затем еще одно... Итак, кто же убийца? И кто получит миллион долларов?..

Содержание

Предисловие	4
Беседа первая	9
Пролог	12
Беседа вторая	34
Беседа третья	49
Список персонажей	52
Глава первая	55
Беседа четвертая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Колина

Наивны наши тайны

Если читатель случайно узнает в персонажах знакомые черты, пусть не обижается – все, ну просто абсолютно все, придумано. К тому же хитрый автор изменила имена.

Предисловие

Неправда, что постель – это не повод для знакомства. Постель – очень хороший повод, ничем не хуже других. К тому же, если люди знакомятся в постели, это вносит в их отношения совершенно особую близость.

Как известно, «я» бывают разные. Чтобы узнать, какое именно «я» перед вами, дорогие читатели, сейчас прямо у вас на глазах я использую специальную психологическую технику: закрою глаза, уйду в себя – ненадолго, только для того, чтобы прийти в полубессознательное состояние, – и в этом полубессознательном состоянии повожу авторучкой по бумаге. Что моя рука напишет, то и будет моим личным «я».

Итак, мое «я» взяло авторучку, закрыло глаза, и вот что у него получилось.

Я —... не скажу кто (интимное)...

Я —...опять не скажу кто (очень интимное)...

Я —... это уж и вовсе не для печати...

Я —... подруга моей подруги Ольги.

Из этого следует, что я все (кроме интимного, очень интимного и того, что уж и вовсе не для печати) делаю вместе с моей подругой Ольгой. Но Ольга живет не в Питере, не имеет значения, где именно. В Москве. И мы делаем все вместе по телефону.

Познакомиться можно где угодно. С Ольгой, например, мы познакомились в постели. В моей.

Сначала познакомились наши папы. Они-то познакомились как люди — не в постели, а на научной конференции, посвященной «массообменным процессам чего-то там такого». Затем они решили познакомить нас, своих детей, и Ольгу отправили на каникулы в Питер, потому что у нас Эрмитаж и вообще, в отличие от Москвы, культура. Московский поезд приходил поздно, и когда, прямо с ночного поезда, полусонную Ольгу кинули ко мне на заранее разложенный диван, я уже спала. Ольга помыкалась, повертелась, отодвинулась от меня подальше и тоже заснула. Она утверждает, что проснулась оттого, что я сидела на ней верхом и кричала:

– Ура, ура! У тебя тоже прыщик на носу!

Вранье. Не было у меня никакого прыщика. Может, у кого и был прыщик, но не у меня. Мне было 14 лет, и я была дивно хороша. И Ольге было 14 лет, и она тоже была дивно хороша.

С тех пор все каникулы мы с Ольгой спали в одной постели, и от этого стали одинаковыми на молекулярном уровне.

Ну, про молекулярный уровень это я просто так ляпнула, но думаю, что-то в этом есть, – если люди долгое время спят в одной постели, это вносит в их отношения совершенно особую близость.

И до сих пор мы с Ольгой обязательно вечером должны обсудить все, что случилось днем. Понимаем мы друг друга с полуслова, поэтому нам требуется совсем немного времени – не больше часу. Но и не меньше.

И вот как-то раз, когда мы уже поговорили часок-другой, я сказала Ольге:

– Знаешь, я сегодня пила кофе в «Кофе Хаузе», а за соседним столиком сидела компания. Там был мужчина, такой, знаешь... с тонким лицом. А с ним полноватая блондинка, очень уверенная в себе, и две девушки – одна хорошенькая, похожая на все фотомодели сразу, но какого-то декадентского толка, такая томная, и смотрит, как плачет... а другая щупленькая, как подросток, но с удивительно взрослым лицом... И я подумала: интересно, у нее что-нибудь случилось или у нее просто взгляд такой?

– Рассказывай дальше.

– За стойкой там стоит очень хорошенькая женщина, только какая-то невнятная, наполовину секретарша, наполовину «блондинка в жутких розочках», и обе половины худшие...

А за другим столом сидела парочка, лет под сорок. Знаешь, бывают такие – пышные, не в смысле веса. Оба кра-

сивые, холеные, тщательно одетые. Я, например, просто в джинсах, а они – одетые. Они тихо ссорились: незаметно шипели друг на друга и пинались под столом... А еще я обратила внимание на официантку – грубоватая девица с провинциальным произношением... Ну а за соседним столиком сидели такие люди – я тоже хочу когда-нибудь так сидеть! Он седой и красивый, а она – тоже седая, с хвостиком на резинке, – читала ему стихи. И тогда я вдруг начала...

– Ты начала придумывать, кто все эти люди, как они живут...

– Да. А правда, интересно придумать другим жизнь?..

– Привет! Как дела? – внезапно спросила меня Ольга.

Я ничуть не удивилась. Это означало, что пришел Ольгин муж. Вообще-то телефонные разговоры между Москвой и Питером недорогие, но у нас почему-то получаются дорогие. Очень дорогие.

Думаю, все дело в том, что если платить за час-другой ежедневно, выходит дороже. Вот Ольга и сделала вид, что она только что позвонила, – просто узнать, как дела. Перед тем как повесить трубку, я услышала, как Ольгин муж довольно сказал:

– Вот видишь, ты же можешь разговаривать кратко, когда захочешь. Просто узнать, как дела, и все.

Дальше я буду называть Ольгиного мужа Пуся. Для краткости и потому что я не люблю слово «муж» – попробуйте произнести его несколько раз подряд, например раз двена-

дцать, и увидите, что получается какая-то глупость: «маш-маш-маш».

Беседа первая

– Так вот, я насчет тех людей, которых ты видела в «Кофе Хаузе». Давай напишем про них книгу, – предложила мне Ольга. – Всем известно, что каждый человек носит в себе материал по крайней мере на одну книгу. А если эти два человека будут писать вместе, то у них получится Очень Хорошая Книга, потому что в одной книге будет в два раза больше персонажей.

– Ага, давай, – мечтательно сказала я, – напишем роман. Про жизнь, про любовь... И чтобы была борьба хорошего с плохим, и чтобы воспитательное значение – как положено в настоящей русской литературе...

– Никакой борьбы, никакого воспитательного значения и даже никакой настоящей русской литературы, – возразила Ольга. – Мы напишем что-нибудь в духе Агаты Кристи. Кстати, писать будешь ты, потому что в девятом классе получила пятерку за сочинение «Образ Наташи Ростовской». Хотя я уверена, что ты все откуда-то списала!..

– Но мы не сможем придумать что-нибудь в духе Агаты Кристи! Нам мешает врожденная интеллигентность.

– Лично мне она никогда не мешает, – гордо ответила Ольга. – Читателю осточертело воспитательное значение, читатель хочет детективов, хороших и разных.

Вот, пожалуйста, – типичная Москва! Москва суетлива,

и в ней всегда все на продажу, что не может не сказаться на Ольге.

– Я имею в виду, что для детектива в духе Агаты Кристи необходимы побочные дети, переодетые полицейскими, старушки-миллионерши, люди в черных масках... А в нашей российской реальности не возникают неведомо откуда побочные дети, переодетые ментами... и наши старушки – обычные пенсионерки. Попробуй представить себе человека с черной накладной бородой, покупающего мышьяк в аптеке на Невском возле Аничкова моста... А где ты видела людей в черных масках, если они не из налоговой полиции... да что там говорить!..

– Интеллигентские штучки! – отрезала моя подруга и мечтательно добавила: – Хотя бы один герой должен всегда ходить в высоких кожаных сапогах, с хлыстом и со зверским выражением лица. А у другого должна быть большая черная борода.

Но меня все-таки обуревали сомнения – как интеллигентного человека.

– Ты, главное, следуй моим указаниям, а уж я прослежусь, чтобы в нашей книжке все было как следует – убийство, наследство, внебрачные дети и люди в масках. Потому что я обожаю детективы! – заявила Ольга.

Это прозвучало как безусловный аргумент, например, «потому что после весны наступает лето».

И я начала писать пролог. Ольга сказала, что сам сю-

жет можно придумать и потом.

Пролог

...Из интервью с культовым писателем Киrom Крутым в журнале «Кошка ру» за апрель текущего года.

– Кир, мы задали вам все вопросы, которые полагается задавать знаменитому писателю. А теперь наша анкета. Просьба быстро, не задумываясь, отвечать:

– Любимый цвет?

– Черный.

– Любимое блюдо?

– Картошка с селедкой. А вы что думали, фуа гра? – Алкоголь?

– Водка «Дипломат».

– Вредные привычки?

– Все очень вредные.

– Дети?

– Дочь.

– Слабое место?

– Чур, вы первая скажете про свое слабое место!

– Самый любимый человек?

– Без комментариев.

– Ходят слухи, что ваша жена – светская женщина. Но вы никогда не появляетесь на публике. Вашей жене не обидно всегда быть на людях одной? То есть без вас...

– Без вас или без вам? И вообще, это утверждение или

вопрос? Если вопрос, то всегда быть вместе вредно для потенции. Мне нужна своя жизнь, и ей тоже.

– Что такое, по-вашему, любовь?

– А по-вашему, что?.. Реакция на запах? Привычка, как к своей руке-ноге? Или как в юности, когда бежишь, дрожишь, цветочки несешь?.. Лично я точно не знаю, что такое любовь. А вы-то сами как думаете?

«...Мне нужно в Комарово, – подумал Кирилл, притормозив на красный свет. Взгляд его остановился на лежащем на торпедо журнале „Кошка ру“. – А зачем мне нужно в Комарово? Я еду домой, в Токсово, сегодня у нас гости... и что за глупая мысль, – зачем мне понадобилось в Комарово?..»

Кирилл взял журнал в руки, открытый на четвертой странице, где было напечатано его интервью, последний вопрос прочитал вслух на разные голоса – то начальственным басом, то писклявым учительским голосом и раздраженно бросил журнал на заднее сиденье.

«Мне сорок три года, а я не знаю, что такое любовь...» – подумал он, раздраженно передернулся от глупой пошлости своей мысли и тут же упрямо повторил про себя претенциозно горестные слова: «Я не знаю, что такое любовь...»

...Если бы Кириллу сказали, что все, что с ним происходит, называется «кризисом среднего возраста», он бы только хихикнул. Он уже большой мальчик, и мама давно разреши-

ла ему смотреть телевизор, поэтому он из рекламы знает – кризисы бывают только у тетенок, в определенные дни, а у дяденек – нет, не бывает никаких кризисов.

Если бы Кириллу сказали, что он, как последний мудака, будет с нетерпением ждать сеансов психоанализа, и они станут смыслом его существования, кульминацией дня, и беседы с психоаналитиком станут для него интересней реальной жизни, он бы сказал – что за херня, ребята! Какой к черту психоанализ, дедушка Фрейд, конечно, был не дурак, но меня его штучками не проймешь – я же разумный человек!

Если бы Кириллу Ракитину сказали, что с ним может произойти нечто неуловимое, что называют «изменением личности», он бы ответил, что ему и с прежней личностью неплохо. И действительно, его прежняя личность вполне довольствовалась телом, ведущим здоровый образ жизни, и головой, заполненной интересными сюжетами, а не плаксивыми сентиментальными глупостями. И кто бы мог подумать, что возможность потерять свою личность, как теряют свой чемодан где-нибудь между Франкфуртом и Римом, окажется реальной вещью...

Писателя Кира Крутого в прессе называли человек-секрет. Секретом Кирилл Ракитин сделал себя сам: как любой по роду деятельности публичный человек, при желании он с утра до вечера мог бы сновать по ТВ-каналам, переходя из бесконечных ток-шоу в публицистические программы, но Кир Крутой не желал быть публичным человеком и не стре-

мился продавать себя в одном флаконе со своими произведениями. Его стойкое отвращение к публичной жизни выглядело вполне органичным – ну не хочет человек торговать лицом, а хочет сидеть в тиши своего кабинета – писатель имеет право!

Одновременно это был хорошо продуманный имидж. Имидж Кира Крутого – железная маска, фишка Кира Крутого – не давать живых интервью.

Итак, Кир Крутой никогда не появлялся на телевидении, не давал живых интервью и не подпускал к себе фотографов. Публичность его строго дозировалась им самим и заключалась в том, что Кирилл Ракитин изредка давал телефонные интервью – только центральному каналу и определенным изданиям, – чтобы не угасал интерес к собственному образу. В желтой прессе часто обсуждался вопрос о реальности его существования – объявляли, к примеру, что писатель Кир Крутой – женщина или даже группа литературных рабов под общим псевдонимом. Издательство не настаивало на том, чтобы Кир Крутой появлялся на публике хотя бы во время главных событий года, он был единственным писателем, которого читал и стар и млад, издательство преуспевало за счет его произведений и было счастливо преуспевать и дальше.

Кстати, в издательстве тоже не знали писателя Кира Крутого в лицо – с самого начала его литературной карьеры все переговоры за него вел Игорь, его агент и одновременно редактор.

...И вот частное лицо Кирилл Ракитин, человек-секрет, сидит за рулем своей «субару» и никто не знает, что он – знаменитый писатель, чьими книгами завалены прилавки и лотки, да что там – завалена вся Россия. И главное, скоро, очень скоро произойдет еще кое-что! Кстати, «субару» – тоже машина-секрет! При непритязательном дизайне эта лучшая машина в мире – ка-ак рванет!.. И Кирилл рванул с перекрестка, обогнав нетерпеливо дрожащие рядом с ним пошлый «мерседес» и джип с затемненными стеклами и с удовольствием представив себе оторопевших от его неожиданной резвости водителей.

У перекрестка на шоссе Кирилл снизил скорость.

Зачем человеку в Комарово, если он живет в Токсовс? Всем известно, что Комарово совсем в другой стороне... правда, можно через переезд или по перемычке...

...Лариса Королева, жена культового писателя Кира Крутого... или нет, не так, – у писателя Кира Крутого не было жены. Лариса Королева, жена частного лица Кирилла Ракитина, сидела в своем клубе. Ну, пожалуй, назвать клубом недавно открывшийся ресторан было чересчур, но Ларисе очень хотелось, чтобы ее просто ресторан превратился в модный клуб. Для этого нужно было придумать фишку, слоган, и она ломала над этим голову, напряженно грызя ручку.

«Клуб для тех, кто хочет общаться с людьми своего круга и материального положения», – написала Лариса на обрат-

ной стороне меню. Фраза понравилась Ларисе и повела ее за собой. У нее будет не просто ресторан, и не для всех. А потом она расширит дело и откроет при клубе (да, именно так!) не просто тренажерный зал, а закрытый, станет проводить не просто курс занятий «Как всегда быть соблазнительной для своего мужа», а только для тех дам, которые ни на минуту не забывают о своем благосостоянии.

«Не для всех» – Лариса сама придумала такой слоган, и он обязательно должен оказаться успешным! Кирилл говорит, что все люди в глубине души, а некоторые даже не очень в глубине хотят быть «недлявсеми», и чтобы то, чем они владеют, включая развлечения, было «не для всех». Одно слово «закрытый» манит людей, как огонь бабочек.

Чем привлекает закрытый клуб? Там собирается своя тусовка, попасть в которую мечтают многие. Обязательно нужно будет ввести клубные карты, получить которые можно только через знакомых. Попасть в клуб тоже можно будет только через знакомых, по предварительному звонку...

Очень важно проводить в клубе модные вечеринки. Лариса уже провела у себя в ресторане показ моделей молодых дизайнеров одежды, но для этого ей пришлось вдоволь поунижаться перед некоторыми гостями и журналистами. А вот когда ее клуб превратится в самое модное место и ее вечеринки станут самыми вожаделенными, для них не потребуются никакой предварительной рекламы – информация о вечеринке будет передаваться только из уст в уста, что и станет

самой сильной приманкой.

Обо всем этом и мечтала Лариса, задумавшись над своим листком – обратной стороной меню. Может же быть у человека мечта, и Ларисина мечта была не хуже многих других.

Очень удачно, что они с Кириллом недавно переехали в коттеджный поселок. Ларисе придется кстати новое окружение: ее новые соседи могут помочь ей сделать ресторан самым модным и элитарным местом. Они станут первыми членами клуба, приведут своих знакомых, те, в свою очередь, приведут своих, а потом... потом Лариса уже будет сама раздумывать и решать – выдавать или не выдавать клубную карту... Нужно будет только как можно удачнее перемешать этих дам и их мужей с персонажами модных тусовок.

Жаль, что Кирилл никогда не позволит ей представляться женой писателя Кира Крутого!.. Это моментально сделало бы ее ресторан модным местом, но ничего не поделаешь. Но Лариса знала: если она хотя бы на ушко кому-то шепнет об этом, она окажется там же, где была до того. До того, до того... до всего. До того, как стала женой Кирилла.

Через неделю у нее в ресторане намечена вечеринка «красное-черное», которая предполагает дресс-код – все должны быть только в красном и черном. А для некоторых избранных, будущих членов клуба, будет еще и секретный дресс-код – красная роза в прическе или приколотая к шарфу. Это Кирилл придумал – на каждой вечеринке будет такая деталь-секретик, позволяющая некоторым почувство-

вать себя избранными. Потом состоится вечеринка «семи-десятые»... какая деталь-секретик? Что тогда носили, какие аксессуары принадлежат тому времени? Может, пусть все обмахиваются большими носовыми платками, или нет, это глупо... Ох, вот идея! Пусть у каждого из посвященных на руке будут советские часы!.. И не бросается в глаза, и нетрудно добыть, – у каждого дома наверняка завалялись такие на память... ну ладно, это можно и потом придумать.

Что еще необходимо для успеха? Лариса была уверена, что здесь большую роль играет изысканная кухня... хотя...

Вспомнив вчерашний визит известного тележурналиста с женой, Лариса вздохнула. Ей пришлось столько интриговать, чтобы заманить пару к себе, она строго-настрого наказала официанту уверить гостей в том, что лишь у них можно попробовать свежие французские сыры и пармский окорок, и чем же закончилась вся эта суета?.. Жена знаменитого на всю страну тележурналиста, жизнерадостная толстушка, прервав официанта на полуслове и отложив меню, сказала:

– Ну, меню я ваше посмотрела, а покушать-то чтонибудь есть? У вас же небось все манерное, крошечное, а я голодная!

Пришлось официанту бежать в соседний ресторан за огромным кровавым бифштеком и салатом «оливье»...

...Итак, изысканная кухня с учетом неизысканных вкусов некоторых клиентов, вышколенный персонал, избранная клиентура, прикормленные журналисты... Боже мой, сколь-

ко же все это стоит – и трудов, и денег!..

Лариса принялась составлять список самого необходимо-го для вечеринки:

«Аксессуары и посуда от Villeroy и Boch... – страшно подумать... бокалы Ridel сорок долларов штука... Сколько мне нужно, штук сто? Сто много... закажу пока пятьдесят...»

...Когда-нибудь, когда все уже состоится и на ее клубе не будет даже вывески (закрытый вход в закрытый клуб, чужие не придут, а «недлявсе» и так будут знать)... тогда Лариса станет предметом обожания и любви – прессы, светских знакомых, персонажей модной тусовки, всех!

– Нехилая тачка... – Мариша Королева, дочь культового писателя Кира Крутого, или, вернее, Мариша, дочь Ларисы Королевой, рассматривала ярко-красную «тройку» BMW в салоне «Евросиб» на улице Боровой.

Продавцы салона, делая вид, что все они толпятся тут по делу, так и кружили вокруг Мариши. Длинненькая, словно вся состоящая из изломанных линий, в расстегнутой до середины плоской груди курточке и узкой юбочке, почти до трусиков открывающей тонкие ноги, она выглядела гораздо более раздетой, чем если бы просто решила зайти в салон голой.

Мариша протянула руку – погладить капот ярко-красной BMW, но, резко изменив направление руки, жестом счаст-

ливой собственницы погладила по щеке своего спутника. Ее юный спутник, красивый и мужественный, слегка отстранился – настоящему мачо не пристало нежничать в крутом автомобильном салоне под пристальными, хотя и незаметными взглядами продавцов. Продавцы скрывали иронию под вежливой деловитостью – так ему казалось. Еще ему казалось, что они понимали – крутую тачку для Мариши покупает не он, а Маришин отец, а у него нет денег даже сводить Маришу в кафе. Больше того, он был уверен, что продавцы понимали даже то, что, не будь у Мариши отца, способного купить ей BMW, он бы с ней здесь не стоял... Может быть, они и правы – на свете есть и другие девушки, не хуже Мариши, а то и лучше.

Юный спутник был к Марише излишне строг – она была очень хороша. За Маришину восемнадцатилетнюю жизнь над ней явно успели потрудиться специалисты по исправлению осанки и прикуса, лучшие мастера продумали макияж, подкрасили светлые от природы бровки, ярко высветлили длинные волосы – и из девочки, не очень щедро одаренной природой, вместе сотворили такую яркую девицу, что никому и в голову не пришло бы, что за внешностью жар-птицы скрывается девушка самой обычной внешности. Мужчины мгновенно прилипали к Марише взглядом и, прилипнув, были уже не в силах оценивать, а только любовались – нежные бесконечные ножки, лучезарная улыбка, широко распахнутые глаза... Больше всего на свете Мариша хотела люб-

ви. Своего спутника или кого-нибудь другого.

* * *

Аврора, женщина неопределенного возраста, не имела ни малейшего отношения ни к культовому писателю Киру Крутому, ни к масс-культуре в принципе.

...А что, собственно, люди имеют в виду, когда говорят «женщина неопределенного возраста»? В случае Авроры это всего лишь означало, что она сама никогда не задумывалась, какого же она возраста? Многие говорят про себя: «В моем возрасте это уже поздно» или «Я уже пожилой человек», – точно зная свое место во времени. А вот Аврора не знала.

Итак, человек неопределенного возраста, кокетливо украшенный шелковым шарфиком, потряхивая седым хвостиком, схваченным черной аптекарской резинкой, медленно шел по Невскому – на свидание.

Аврора опаздывала, но нисколько не торопилась, и не потому, что намеревалась помучить своего поклонника, а просто она всегда обращалась со временем, как будто оно ее во все не касалось, – приблизительно.

На углу Невского и Владимирского Аврора решила сократить путь и нырнула в проходной двор.

Заметив во дворе вывеску «Магазин», спустилась по грязным ступенькам и заглянула в подвал. В темном помещении пахло кошками-мышками, продуктами второй свежести

и залежалым стиральным порошком.

– Какой у вас очаровательный магазинчик! У вас тут все – и лампочки, и хлеб, и даже резиновые сапоги... вон те, кстати, совсем даже неплохие... – улыбнулась она продавщице. – Только подумайте, я буквально на пару шагов отошла от Невского, а как будто попала в сельпо семидесятых годов!

На одной из полок, посреди резиновых сапог, лежали игрушки.

– Покажите мне, пожалуйста, все модели мобильных, какие у вас есть, – указав на разноцветные игрушечные телефоны, с небрежной гордостью сказала Аврора. – Вот этот, зелененький, кажется, хороший. Давайте проверим, какие у него есть функции... Мне необходимо отправлять SMS-ки, по работе...

– Вот этот подойдет, – продавщица кивнула на розовый прозрачный телефончик, – он идет с чупа-чупсом в придачу.

Действительно, сбоку к телефончику был прикреплен огромный леденец.

– Зачем мне чупа-чупс? Мне нужно отправлять SMS-ки, – завелась Аврора, начиная смутно догадываться, что она выбирала себе телефон среди дешевых китайских игрушек. Интуиция подсказала правильное решение, и под насмешливым взглядом продавщицы она произнесла:

– Я еще к вам зайду, – и исчезла, приветливо помахав рукой.

Красивый темноволосый мужчина, немного слишком высокий, не полный, но чуть неравномерно полноватый, похожий на небольшого бурого медведя... Что значит «красивый мужчина, похожий на бурого медведя»?.. Это означает, что у него красивое лицо: красивые глаза, красивый нос, красивые губы, и он похож на бурого медведя. В этом мужчине всего было много – красоты, роста, кудрявых волос, чуть напряженного оживления.

Он уже был одет для выхода – светлые льняные брюки, льняная рубашка чуть темнее брюк – и нетерпеливо и немного неловко, как и полагается мужчине, похожему на медведя, приплясывал над сидящей у зеркала красивой темноволосой женщиной, тоже высокой и крупной, но нисколько не похожей на медведя: тонкая талия, пышная грудь и яркое лицо с трогательными губами сердечком, как у дамы пик.

Яркая черноволосая женщина, Ира, в третий раз наносила макияж. Сейчас она усердно занималась губами, явно назло мужу. Нанесла специальный крем, обвела карандашиком контур губ, затем провела помадой.

– Ну, все наконец? – нетерпеливо спросил мужчина.

– Нет, не все! И не делай вид, что ты не понимаешь!.. – женщина красила губы, поэтому у нее получилось «недеавиттотынепонимашшь».

– С тех пор как они переехали в этот дом, у Ларисы совсем поехала крыша!..

Ира несколько раз встречала у Ларисы ее соседок – жен

банкиров, и еще жену какого-то владельца заводов, газет, пароходов, и... слышал бы Игорь, о чем эти жены разговаривают!

– О чем же? – вежливо поинтересовался Игорь, поглядывая на часы.

– Жалуются, что их мужьям приходится зарабатывать деньги в поте лица, а вот какой-то Петька сидит на трубе и ему деньги капаят... что такое «сидеть на трубе»?

– Это значит, что их знакомый Петька занимается нефтью... ну, пожалуйста, брось ты эту помаду!

Ира не двинулась с места.

– Обсуждают, где что купили, куда поедут отдыхать. Хотя за границей им тоже скучно. И еще какие плохие у них домработницы и няни. Часами, подробно: «Я ей говорю это, а она мне то, а я ей...»

– Не может быть, – недоверчиво протянул Игорь, – это слишком уж... тривиально, как в плохих книгах...

Ира не знает, тривиально это или нет, но это чистая правда.

– И зачем Лариса так стремится стать своей среди богатых? Глупо ужасно, правда? – вопрошает она.

– Ну-у, малышка... самая главная потребность у человека, ну, если он, конечно, сыт и не озабочен сексуально, – это потребность в общественном признании. Я бы даже пошел дальше и посчитал именно это основным инстинктом, а вовсе не секс... Так что желание попасть в какой-то иной

круг вполне естественно... Бальзак, Мольер, Золя – великие французы много писали об этом...

– Это убогое общество – круг?! Однойжды они о культуре беседовали, заранее готовились, наверное, «Афишу» читали. Одна говорит: «Аксенов самый лучший писатель, только очень сложный». А я ей говорю: «Прилично любить только раннего Аксенова, а позднего любить стыдно». А она мне в ответ: «Где вы купили эти туфли, как можно носить такую дешевку?!» А на мне были очень красивые туфли, просто у нее нет вкуса...

– Так, все! Сегодня ты не увидишь Ларисиных гостей, будут только свои. Быстро одеваться, быстро улыбаться!

– Я заранее знаю все наизусть! Ты будешь вилять хвостом перед Кириллом: «Извольте поиграть, извольте пошутить, извольте помолчать...» Почему в последнее время ты так странно себя ведешь? – красавица Ира зло скривила свеженакрашенные губы. – А Лариса спросила, где я купила платье... а эта ее дурочка Мариша сказала, что это прошлогодняя коллекция, а я...

– Ты самая красивая, и в платье, и без платья... ты только не мешай водку с шампанским, и жизнь покажется лучше.

– И это ты мне говоришь! Водку с шампанским!.. Когда у меня вся жизнь из-за тебя... когда ты мог бы... если бы ты... тогда бы я...

– Для нас с тобой, Ирочка, наступил решающий момент, и не исключено, что все решится как раз сегодня!

Ира не захотела уточнить, что именно для них решится сегодня, – она уже столько раз слышала, что все изменится, что перестала верить, поэтому просто отмахнулась от мужа – мелким небрежным жестом, как от мошки.

...Борис Аркадьевич Розин, отец культового писателя Кира Крутого... нет, не так... Борис Аркадьевич Розин, не имеющий ничего общего с культовым писателем Кириллом Крутым, отец Кирилла Ракитина, шел по набережной Фонтанки. Приближаясь к небольшой площади с клумбой посередине – вылитый плевок творага в школьной ватрушке, – он почувствовал легкое покалывание в груди.

От «ватрушки» Борис Аркадьевич, Б. А., как его называли все, включая сына, направился к Пяти углам, и при повороте на улицу Рубинштейна сердце вдруг закололо сильнее...

Не вдруг, не вдруг!.. Его сердце всегда покалывало, когда он подходил к этому месту, уже двадцать шесть лет как покалывало... Здесь, в доме номер двадцать семь по улице Рубинштейна, в третьем дворе, в крошечной квартирке жила Аврора.

Б. А. был знаком с Авророй двадцать шесть лет четыре месяца, и сегодня в шесть вечера будет три дня. Двадцать шесть лет назад они с Авророй так любили друг друга, что сегодня Б. А. просто не верилось, что он, тогда уже не мальчик, был способен на такое – неистовство, крушение, буйство, страсть...

Б. А. прошел сквозь первый двор дома с полуразрушенной аркой – обычный питерский колодец с провалами трещин на стенах, затем сквозь второй – как положено, извилистый и темный, а третий вообще больше напоминал лаз в нору, чем место человеческого обитания – и все это вместе было обычным питерским двором. Б. А. любил Аврору, а его учили, что если любишь человека, то любишь его всего, вместе с недостатками, и он любил Аврору вместе с ее двором и всем остальным. Даже ее пустой холодильник нравился ему больше своего пустого холодильника.

Б. А. зашел в угловой подъезд в третьем дворе, но вскоре вышел обратно и вытащил из кармана телефон, дешевую Nokia, подарок Кирилла семилетней давности. Нельзя сказать, что в течение семи последних лет они с сыном совсем не общались, нет-нет, они виделись почти каждый год. И каждый год на день рождения Кирилл дарил ему лично или присылал с кем-нибудь в подарок телефон последней модели. Б. А. подарок принимал, но не пользовался, а укладывал очередную коробку в дальнее отделение шкафа, таким простым жестом обозначая для себя самого что-то сложное. Стопка лежащих на дне шкафа ярких упаковок подтверждала, что сын всегда остается сыном, а он не пользуется подарками потому, что имеет к сыну принципиальные претензии. И претензий своих не снимает.

И ему казалось, что он поступает правильно, пока Аврора не разрешила неразрешимую эту ситуацию, сказав просто:

«Мирись с сыном, старый ты дурак».

Б. А. злился и недоумевал. Аврора не открыла ему дверь, но это не обязательно означало, что ее нет дома. Может быть, она моется в ванной, громко распевая песни, а может быть, щебечет по телефону.

Телефон ее был занят, но это не обязательно означало, что Аврора дома. Возможно, она ушла, забыв положить трубку. Не исключено, что ей отключили телефон – за неуплату с прошлого века. Может быть, старенький, крест-накрест обмотанный изолентой телефонный аппарат упал, рассыпался на части, и Аврора забыла замотать его обратно.

А еще, раздраженно думал Б. А., она завела препротивную манеру – специально снимала трубку на пару часов, чтобы потом слабым хвастливым голосом сказать ему: «...Да, у меня было занято. Мне все время звонили, просто ни одной минуты свободной, я всем нужна по работе, ну просто всем...»

Когда-нибудь, совсем скоро, они с Авророй будут жить у него в Комарове, и вот тут-то он ей покажет! Вот тут-то он ее научит – быть дома, аккуратно класть трубку на рычаг и... и, может быть, сладострастно подумал Б. А., может быть, он даже научит Аврору оплачивать счета... и вовремя приходить домой, и еще...

Б. А. был бывшим театральным режиссером. Именно «был бывшим», потому что ощущал себя «бывшим» – все его профессиональное прошлое давно уже быльем поросло.

Но в театральном человеке театр остается навсегда, и поэтому Б. А. по привычке всегда режиссировал мизансцену и всегда немного видел себя в этой мизансцене со стороны. И не избавится от этого никогда, и даже собственную смерть он срежиссировал бы, если бы это было можно.

Б. А. и сейчас словно видел себя со стороны – худой седой человек стоит в сером питерском дворе, стоит так, что зрителю понятно, что двор этот жутковатый, но до тоненькой щемящей боли любимый. Человек поднял голову к серому питерскому небу, и его тонкий профиль, как в черно-белом кино, стал отчетливо виден на фоне серого питерского неба... Зрителю странно – как можно любить эти треснувшие стены, темные грязные подтеки, впитавшиеся в асфальт, десятилетиями торчащий на виду осколок водосточной трубы – но он чувствует, что седой человек не то чтобы такой профессиональный страстный питерец, просто он с питерским двором одно...

– Гав! – рявкнула ему в ухо Аврора так неожиданно и свирепо, что Б. А. вздрогнул.

– Гав?! – уже примиряюще тьякнула она, слегка пихнув его в бок. – Ловко я подкралась?

– Женщина, – строго сказал Б. А., – чего это вы лаете на трудящихся?

Все-таки Аврору необходимо приструнить! Он уже не мальчик, чтобы ждать на улице, пока она нагуляется. Они с Авророй не виделись давно – со вчерашнего дня, и сегодня

она ужасно его раздражала, собственно, как и вчера, и позавчера...

– А я уже двадцать три минуты стою... вот тут стою, – максимально строго проговорил Б. А, наслаждаясь чудесной безоговорочностью своей правоты. – А нас уже все ждут у Кирилла...

– Стоишь?! Я-жду-тебя-дома, а ты стоишь во дворе!

– Я... ты врешь... – задохнулся от такой несправедливости Б. А. – Тебя не было дома...

– Ну вот, я же и говорю! Я бегу, тороплюсь, а ты стоишь! – искусственно оживленным голосом сказала Аврора. – И вообще, сам ты врешь!

Если бы кто-то смотрел на них со стороны, он бы ужасно удивился, поскольку отчего-то между ними все стало нежно-розовым.

– Будешь сидеть у меня в Комарове под домашним арестом и перебирать свои грехи. Ты у меня все вспомнишь – и как пела песни в ванной, а я тут с ума сходил под дверью, и как...

– И как я в семнадцатом году сделала революцию... Да, кстати... меня тут попросили написать статью... – томно пропела Аврора, мгновенно принимая вид человека, крайне уставшего от единоличного обладания тайным знанием.

Вот всегда она так! Б. А. нахмурился. Как только дело обрачивается не в ее пользу, быстро переводит разговор на другую тему! Максимум ее возможностей по признанию своей

неправоты – это увести беседу в сторону от своей несусветной глупости.

– Опять «мои встречи с Поэтом»? – нарочито зевнул Б. А. и нервно сказал: – Где же твой племянник? Я так и знал, что ему нельзя доверять...

Б. А. чувствовал, что после стольких лет, проведенных в ссоре, невозможно было, как ни в чем не бывало, просить сына заехать за ним на машине, а еще менее возможно было просить об этом чужую ему Ларису. В такой сложной ситуации предпочтительнее всего было быть независимым и иметь некоторый моральный тыл в виде чужого человека – в данном случае Аврориного племянника. Просить о бытовом одолжении – помочь, подвезти, – по мнению Авроры, означало крайнюю степень беспомощности, а она не терпела этого чувства. И Аврора проявила недюжинное понимание натуры Б. А. и одновременно необычную для себя кротость, которой очень гордилась, – она велела племяннику не только отвезти их в гости к Кириллу, но и забрать – на следующее утро, если, конечно, не придется уехать раньше. Она даже разработала специальный секретный код. Если из примирения ничего не выйдет и Б. А. будет чувствовать себя неловко, она наберет номер племянника и скажет: «Я забыла закрыть кран». И он приедет и заберет их. А если все пойдет нормально и они останутся в гостях ночевать, то пароль будет другой: «Я не забыла закрыть кран?»

Племянник – остренькая бородка, очки – наконец подъе-

хал и усадил на переднее сиденье синего «фольксвагена» Б. А., а на заднее – Аврору.

– У меня завтра конференция, – нелюбезно сказал он, потряхнув бородкой и сверкнув очками.

– Погодите, проверю, все ли у меня с собой... – Аврора заглянула в большую холщовую сумку и по очереди вытянула оттуда несколько свертков, небольшой синий томик и пакетик с бумагами, затянутый черной аптекарской резинкой, точно такой же, как в волосах. – Ну! Сколько можно тянуть? Неприлично заставлять людей ждать!..

И они наконец поехали в гости к Кириллу Ракитину, то бишь культовому писателю Киру Крутому.

Беседа вторая

– Зачем нам старики? – удивилась Ольга. – Читатель не интересуется теми, кому за двести. И еще... ты намекаешь, что у этих стариканов любовь?

– Да! Да! У них любовь! Любовь может быть в каком угодно возрасте, это же великая тайна жизни и все такое! И у всех людей всегда все впереди. Пусть старики любят друг друга, пожалуйста!

– Ладно уж, пусть любят, я ведь тоже хочу, чтобы у меня было все впереди... Но почему она такая идиотка?! Присматривать себе игрушечный мобильник это все-таки чересчур...

– Она просто не заметила, видит плоховато и все такое... Убрать? – печально спросила я.

– Давай пока оставим, а затем я решу... Кстати, подбери-райся поскорей к Преступлению – у нас все-таки детектив, а не роман.

– Нет, все!таки роман, а не детектив! – заупрямилась я. – Или, если хочешь, давай будем говорить просто «Произведение». Я думаю, что именно так пишется в договоре писателя с издателем: «Автор обязуется представить книгу „Детектив по телефону“, далее Произведение...».

На это Ольга согласилась. Люди всегда могут прийти к консенсусу, правда?

– Ой, он открывает дверь... – испуганно прошептала Ольга и оживленно проговорила в телефонную трубку:

– Ну, привет! Как дела?

Я услышала шум борьбы.

– Как дела?! Как дела?! – верещала Ольга, пока Пуся за ухо оттаскивал ее от телефона.

...По пути Аврора читала все дорожные указатели и бойко командовала – налево, теперь направо, не обращая внимания на то, что племянник каждый раз поворачивает в сторону, противоположную указаниям. Вообще он был неприлично мрачен, не сказал ни единого слова. Авроре было очень скучно – никто с ней не разговаривал. – Тебе надо жениться, – сказала она племяннику вредным голосом. – Я скоро женюсь. Если бы ты могла на чем-нибудь сосредоточиться, то вспомнила бы, что в прошлый четверг я приводил к тебе свою невесту, – неприветливо отозвался племянник, высказавшись спиной в том смысле, что ему вовсе не хотелось развозить Аврору по чужим дачам. Аврора не обиделась, она и сама не терпела, когда ее просили посидеть с чужими детьми или купить кому-нибудь продукты, считая, что у нее найдутся занятия и поинтересней. Подумаешь, у него завтра конференция!

– Да? – смутилась Аврора. У нее всегда была отличная память на стихи и плохая на лица. – Но я же не виновата, что все твои дамы на одно лицо. Если бы ты привел мне что-

нибудь оригинальное, я бы запомнила, – стала оправдываться она.

Спина племянника выразила крайнее возмущение.

Через сорок минут, удачно миновав пробки, они уже добрались до выезда из города.

– Только не упоминай, пожалуйста, о его книгах, – задумчиво проговорил Б. А. Он видел себя со стороны – пожилого, принципиально настроенного интеллигента. – Стыдно писать такое, хоть и в угоду публике! Эти его вампиры, монстры...

Б. А. преувеличивал – и всего-то однажды в книге Кира Крутого фигурировал вампир, да и то какой-то полувампир – тишайший советский бухгалтер в синих нарукавниках, у которого в поворотные моменты истории краснели глаза и вырастал клык. Б. А. не мог простить ему этого бухгалтера-вампира. Кирилл был такой тонкий мальчик... пока не стал этим... Киром Крутым... О боже, какая пошлость – Крутой!..

– Как изысканно – быть в ссоре с сыном по идейным соображениям! Ты претендуешь на особую тонкость организма, – зевнув, ответила Аврора, – в то время как пресса полна рассказов о настоящих семейных коллизиях. Вот смотри, – Аврора полезла в сумку, вытащила сверток, завернутый в газету «МК», и прочитала: «Человек зарубил топором жену за то, что она родила собаку».

Или вот еще: «Меня не возбудил негр». Представляешь?!

Не возбудил!.. Негр! Я понимаю, если бы твой сын родил собаку или сошелся с негром...

– Меня бы тоже не возбудил негр, – серьезно ответил Б. А. – Вспомни, что читали в начале перестройки: Платонова, Замятина... А теперь что – Кира Крутого? Сначала нация решила, что она умная, а потом такие, как Кирилл, решили, что нация глупая – пусть читает псевдоисторические байки... Все эти негры и собаки – дело рук таких, как Кирилл! В общем, как-то я с этим миром не совпадаю... – пожаловался Б. А.

– Фу, какая пошлость! Ссориться с сыном из-за негров и собак, – заявила Аврора. Она совершенно точно знала, что дело совсем не в том, что Кирилл занимался оглушением нации, но если Б. А. хочется считать именно так...

Б. А. удовлетворенно вздохнул. Хорошо, что у него есть Аврора, единственная, с кем он совпадает. А с Кириллом они разные люди, с разными ценностями, и ни ценности, ни люди не совпадают и не совпадут ни за что!..

Кир Крутой появился около десяти лет назад. Кирилл Ракитин отнесся к своей писательской карьере, как начинающий менеджер относится к предмету своего управления, – старательно и подробно. Он интуитивно использовал теорию принятия решений, мысленно начертив схему: максимально и минимально удачный результат, точка соприкосновения его творческого интереса и интересов публики, где и в чем он может уступить. Кстати, пресловутый бухгалтер-вампиры,

которого так и не смог простить ему Б. А., тоже был уступкой, до которой он доторговался с публикой, – ничего более неприличного в его книгах уже не было. Он уступил, чтобы потом выиграть.

И он выиграл, добился редчайшего для российских литераторов успеха – материального. Его творчество стало его собственным бизнесом. Кирилл Ракитин зарабатывал деньги, не сравнимые, конечно, с доходами банкиров – соседей по поселку, а может быть, и сравнимые, неизвестно. Ведь считать чужие деньги – это дурной тон. Во всяком случае, его творчество позволило ему приобрести дом в закрытом поселке для банкиров и лиц с неафишируемыми доходами. Оно же позволило Ларисе получить любимую игрушку, светскую жизнь.

Во всей его продуманной до мелочей карьере был только один сбой: максимально удачный результат превзошел все – и его ожидания, и предположения, и мечты.

Над последним романом Кира Крутого с самого начала витало слово «Голливуд», и хотя все держалось в глубокой тайне, слухи о продаже прав просочились даже сквозь таинственность, которой окружил себя Кирилл. Между прочим, каждому известно, сколько стоят проданные в Голливуд права, – миллион долларов.

Синий «фольксваген» осторожно пробирался по ухаби-

стой дороге. По сторонам беспорядочно раскинулся поселок – разноцветные домики перемежались полянками и низким леском. На выезде из поселка, сразу за мостом, перегораживающим небольшую речку, они увидели голосующую девушку. В ногах у нее лежал рюкзак с яркой детской картинкой.

– Ни в коем случае не останавливайся, – велела Аврора, – на дорогу выставляют подсадную утку, а за уткой всегда прячутся бандиты... Я про это читала!

Племянник послушно проехал мимо девушки.

– Ты что, не слышишь, что я говорю?! Остановись немедленно! – тут же скомандовала Аврора. – Нужно взять девочку!

Племянник дал задний ход.

– И имей в виду, я категорически запрещаю тебе подвозить незнакомых людей, – верещала Аврора, открывая девушке дверь. – Садитесь к нам, дружок. Чем мы можем быть вам полезны?

– Мне в коттеджный поселок «Мой рай», – резким голосом с вызывающим провинциальным говором сказала девушка, пристраивая рюкзак в ногах Авроры.

– Да? Приятное совпадение! Мы направляемся туда же, – отозвался Б. А.

Девушка молчала, и молчание ее было не застенчивым, а почему-то тяжелым.

– Как вас зовут, прекрасная незнакомка? – поинтересовалась Аврора, искоса взглянув на девушку.

Девушке на первый взгляд было лет двадцать. Широкие плечи, крепкие, толстые в щиколотках ноги, которые она немедленно дала рассмотреть Авроре, заняв ими все имеющееся пространство. Было бы несправедливым сразу же решить, что она была недостаточно хорошо воспитана, – бывают такие девушки, у которых независимо от воспитания слишком много ног. Черные жирноватые волосы, нечистая кожа – нет, про нее нельзя с уверенностью сказать «прекрасная незнакомка»... «Но, пожалуй, ей меньше двадцати, – подумала Аврора, – глаза совсем ребячьи».

– Катя, – ответила девушка и, замолчав, так напряженно уставилась в окно, словно прикидывала, а не выскочить ли ей из машины посреди лесной дороги.

...Катя действительно обдумывала, не выйти ли ей тут, в лесу. Пока не поздно. Но, с одной стороны, она уже здесь, и все ее будущее зависит от того, как она себя поведет. С другой стороны, было же у нее какое-то прошлое – и в этом прошлом ей было неплохо, не так уж плохо, почти совсем неплохо...

«...Поздно, поздно, – твердила про себя Катя, уставившись в затылок Б. А., – поздно, поздно, поздно...»

Если произнести какое-то слово много раз, оно теряет привычный смысл и становится чем-то иным. «Поздно, поздно, поздно...» было похоже на стук дождя за окном поезда. Она почти целый день пролежала на верхней полке в

плацкартном вагоне, и почти целый день в стекло, не преста-
вая, стучал дождь...

Лесок на обочине дороги становился все мельче, превра-
щаясь в чахлые кустики. Они проехали заросшее лопухами
поле, затем пустошь, новенькое голубое здание с вывеской
«Мой бар», затем еще одно, зеленое – «Мое кафе».

– О боже! – ошеломленно сказала Аврора. – А что здесь
еще есть? «Моя стоматология», «Моя химчистка»?

Племянник в очередной раз сверился со стрелочками
и кружочками, начертанными в его записной книжке, и,
немного поплутав, они въехали в узкий проезд между двумя
пятиметровыми краснокирпичными заборами и уткнулись в
шлагбаум.

– Это воинская часть, – уверенно сказала Катя.

– Это граница с Финляндией, – не менее уверенно отозва-
лась Аврора.

– Это, девушки, конечный пункт нашего назначения, –
усмехнулся Б. А., – коттеджный поселок «Мой рай».

Из-за шлагбаума вышел охранник в зеленой пятнистой
форме и внимательно, будто считывая с нее данные, оглядел
машину – синий «фольксваген» 1992 года выпуска.

– Поворачивайте назад, это частная территория, – зевнул
он.

Высунувшись из окна машины, Аврора строго сказала:

– Молодой человек, это же папаша молодого барина! А
вот вам молодой барин-то задаст!

Охранник взглянул на Аврору дикими глазами и под смущенное бормотание Б. А: «Аврора, прекрати...» отправился открывать шлагбаум.

– Скажите мне пароль на выход! – кокетливо попросила охранника Аврора. – Вдруг я захочу выйти!

За забором оказалась еще одна кирпичная стена и еще одна будка с охранником.

– Почему люди отгораживаются от мира высокими заборами? – спросила Аврора, ни к кому конкретно не обращаясь. – Что у них там происходит? Я имею в виду, в душе, конечно...

– Наверное, мой сын хочет спрятаться от своих соотечественников, как евреи от арабов – навсегда, – рассеянно ответил Б. А.

– А я и не знала, что так бывает, – восхитилась Аврора, – как в анекдоте про новых русских! Это что же у них, зона? И собаки есть? А вышка с прожектором, ну просто на всякий случай?

«Зря я все это затеял», – подумал Б. А. Он не знал, что имеет в виду под этим «все» – то ли примирение с сыном, то ли то, что взял с собой Аврору, – просто думал: «Зря я все это затеял...»

Катя ошеломленно рассматривала фонарики и затейливые невысокие деревца по сторонам усыпанной мраморной крошкой дороги.

– Как богато! – восхищенно выдохнула она.

– Дочка, запомните, что даже простое упоминание чужого богатства неприлично, – мягко проговорила Аврора.

– А мне лично нравится! – прямо сказала Катя.

– Мне тоже, – тут же покладисто отозвалась Аврора. – Но я бы здесь, под заборами, не поселилась, если бы у меня был даже миллион долларов... нет, за миллион долларов поселилась бы. А вечерами выла бы на охранников. А охранники говорили бы мне: «Не войте, дорогая Аврора!»... Охранники спасают от всего – от страхов полуночных и от стрел полуденных... И от чумы, во мраке грядущей... или нет, от этого все-таки не спасают...

Кирилл купил этот дом совсем недавно, и полугодом не прошло. В поселке за высоким забором, кроме него, жили два банкира, два совладельца крупной сети магазинов и один человек, который не афишировал рода своих занятий. Впрочем, как и Кирилл. Никто из соседей не знал, что их новый сосед – знаменитый писатель Кир Крутой.

Если бы гости могли взглянуть на поселок с высоты птичьего полета, они бы увидели, что крыши домов вытянуты в две параллельные линии. Домов было немного – три по одной линии и три по другой, и все они были разные, с витыми балкончиками и с ломаной крышей, в стиле русской усадьбы и скандинавского коттеджа, рубленые и каменные. Никако-

го единообразия, но и никаких неопрятных архитектурных излишеств.

Зелени почти не было, не было ни одного дерева, коегде торчали нерешительные кусты и кое-где к крылечкам при-мыкали газончики и клумбы. Земля будто недоумевала, что это за архитектура такая – возникла посреди чистого поля? Может быть, вся эта красота лишь притворяется человеческим жильем, а на самом деле это и не человеческое жилье вовсе, просто старательный ребенок аккуратно расставил спичечные коробки на чистом листе бумаги, воткнул спички и разложил цветные камешки для красоты.

– Остановитесь, я выйду, – сказала девушка Катя и заглянула в зажатую в кулаке бумажку. – Мне нужен дом с зеленой крышей и чугунной решеткой. До свидания. Спасибо.

– Бедное дитя ни разу не хихикнуло и даже не улыбнулось, – заметила Аврора, глядя из окна вслед волочашей свой рюкзак по земле Кате.

Рядом с большим каменным домом с башенками, почти приткнувшись к забору, в окружении нескольких грядок стояла бревенчатая банька. Маленькая и аккуратная, рядом с роскошными домами она выглядела как случайная рубашечная пуговичка среди нарядных пышных брошек.

В баньке разговаривали двое – мать и дочь.

– Ты потерпи, Кирочка, ты же знаешь мою ситуацию, ужасную, невыносимую... Скоро все изменится. Фигураль-

но выражаясь, кое-кто из пешек выйдет в дамки! Все, все изменится...

– Я терплю, – спокойно ответила дочь.

В баньке была всего одна, переделанная из предбанника, маленькая комнатка с большой кроватью, и для того чтобы остаться одной, ей пришлось уйти в закуток перед парной. Она открыла шкафчик, вытащила пачку исписанных листов, но читать не стала – подержала в руках и положила обратно. Затем встала перед большим зеркалом, распустила волосы, порывшись в кармане, вытащила губную помаду, густо намазала губы и щеки. Подумав, провела помадой по носу, прочертив яркую линию посередине. Взяла из стоящей на подоконнике вазочки две красные розы, одну воткнула в волосы, а другую пристроила на плечо и в довершение всего зажала в углу рта длинную сигарету, и нашла, что эффект получился потрясающий.

– Кирочка, что ты там делаешь? – позвала мать.

– Ничего, – ответила дочь, быстро проделав все действия в обратном порядке, – я иду, мама.

...Синий «фольксваген» направлялся к большому каменному дому с башенками, зеленой крышей и чугунными решетками. Этот дом не выглядел столь же внушительным и нарядным, как остальные, к тому же стоял обособленно, на самом краю.

Хозяева сделали вход в дом с тыльной стороны, добив-

шись тем самым полной изолированности. Кириллу, конечно же, иногда приходилось видеть соседей из окна машины, и почему-то особенно часто ему попадались двое: лицо без определенных занятий и банкир с лицом крестьянина-безлошадника. Соседи его забавляли, как забавляло Ларисино стремление подружиться с ними, и сама Лариса, и то, с каким упоением она играла в игрушки, которые он сам ей и подарил. Главное, что его дом стоял за забором и с краю – к лесу передом, к банкирам задом.

В правой башенке ссорились, без особенной страсти, скорее, просто перебрасывались фразами в привычном хорошем темпе.

– Сколько-сколько?! – воскликнул Кирилл. – Офигела ты, что ли?

– Аксессуары и посуда от Villeroy и Boch, бокалы Ridel сорок долларов штука... – перечислила Лариса спокойным тоном, – бокалы Ridel точно нужны, хотя бы пятьдесят штук...

– А почему сразу же должно быть так роскошно?!

– Потому что в клубе все должно быть как положено со дня открытия, сразу, – резонно заметила Лариса. – Бокалы нужны для вечеринки. Неприлично иметь дешевую посуду... Пятьдесят штук... – в Ларисиных глазах не мелькнуло и тени беспокойства. Кирилл даст, не сейчас, так позже... правда, придется просить еще раз...

Кирилл на секунду задумался.

– А я тебе вчера давал деньги на хозяйство... Где чеки? Лариса кротко протянула мужу бумажки.

– Вот за продукты, вот за Маришин костюм, вот мои – пудра, помада... Все здесь.

Кирилл внимательно разглядывал чеки.

– Хрена тебе, не дам на эти... бокалы! Сделала из меня автомат, карточку в меня суешь! А я вот взял да и сломался! – закричал он и без паузы, почти спокойно переспросил: – Так сколько тебе надо?

Казалось бы, в башенке все происходило по законам жанра – Лариса просила, предъявляла чеки, подчинялась, Кирилл злился и кричал. Но почему-то они выглядели актерами на сцене, и плохими актерами – из тех, кто не может скрыть, что все это не всерьез, игра.

– Приехал Б. А. со своей девушкой, – выглянула в окно Лариса. – Иди, встречай.

Кирилл бросился к окну, потом к выходу, опять подскокил к окну и уже с лестницы обернулся к Ларисе и жалобно сказал:

– Иди сначала ты.

– Не забудь, что деньги мне нужны завтра, – быстро произнесла Лариса в спину Кирилла, и он, уже спускаясь по лестнице, из-за спины показал жене фигу.

«Фига – это неплохо», – спускаясь вслед за мужем, подумала Лариса.

Ей уже давно не казалось странным, что щедрость уживалась в Кирилле с мелочной скаредностью. Деньги на клуб Кирилл давал легко, словно его завораживали суммы с нулями. Лариса подозревала, что эти нули не казались ему реальными деньгами. Зато ежедневные домашние расходы Кирилл проверял всерьез. Тщательно изучал чеки, скандалил из-за неиспользованных, потерявших срок годности продуктов, из-за того, что Мариша не убрала сметану в холодильник, и теперь сметана непременно скиснет...

Он даже не гнушался заходить в Маришину комнату, и найденный там стакан с недопитым соком или надкусанный и брошенный бутерброд могли привести его в настоящее бешенство, с криками, топаньем ногами и выкрикиванием обидных слов...

Лариса привыкла. В противовес расхожему мнению, жить с человеком творческим было не так уж сложно, необходимо лишь выполнять заданные им правила игры.

Она улыбнулась, представляя, как будет выбирать бокалы. Но владелице будущего модного клуба нельзя расслабляться ни на минуту, особенно если она хочет, чтобы ее клуб был самым модным. Поэтому, даже не успев как следует порадоваться тому, что она обязательно купит вожаделенные бокалы, Лариса озабоченно подумала, что, похоже, она сглупила: нужно было все-таки сразу же настаивать на аксессуарах от Villeroy и Boch.

Беседа третья

– Я тоже всегда мечтала жить за городом, – сказала Ольга. – Им, наверное, носят из деревни молоко, творожок... яички тоже носят...

– Кириллу подходит жить в загородном доме. Это дает большую возможность обособления, чем квартира. Представляешь, как его раздражают люди – лифтом грохочут, машины под окнами ставят, так и лезут в его частное пространство. Ларисе просто престижно, а Марише, я думаю, было лучше в городе – кино, подружки, дискотеки.

– Не-ет. Ты мыслишь мелко. За заборами удобно совершать убийства, – уверенно заявила Ольга. – В семьях новых русских такое творится – жуткое дело! Они всегда друг друга ненавидят и хотят убить. Вот если новый русский захочет жениться, куда ему, по-твоему, девать старую жену? Только в погреб. Или можно спрятать труп в подвале.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась я.

– Как откуда? – в свою очередь удивилась Ольга. – Получаю информацию из сериалов. – Она на секунду задумалась.

– Тут вот такая сложность – надо вырубить все деревья. Представь, соседский пацаненок забрался на сосну и видит – муж волочет труп в подвал. Поэтому, я думаю, эти участки совершенно лысые. Чтобы неповадно было лазать.

Надо же, я и не подозревала, что у Ольги такой анали-

тический ум...

– Загородный дом, обнесенный забором, – то, что нужно для наших целей. Преступление произойдет в замкнутом пространстве, – довольно произнесла Ольга.

Но у меня все еще были сомнения, особенно насчет появления Кати, – ну что она у нас стоит в нужном месте в нужное время, как рояль в кустах... Так в жизни не бывает, это надуманно...

– Нормально для духовных людей, – Ольга угадала мои мысли. Я же говорю, постель очень сближает...

Подруга велела поскорей переходить к Преступлению, а то читатель решит, что это роман, а у нас не роман, а детектив.

– Главное, не забывай упоминать, что семья, которую мы выбрали для нашего Преступления, очень богата. Не стесняйся кое-что поднавать... Помни, что наше Преступление совершается из-за больших, очень больших, очень-очень больших денег, – напомнила Ольга.

– Но откуда у писателя большие-!большие деньги? – слабо сопротивлялась я.

– Что ты все время ставишь мне палки в колеса?! – возмутилась Ольга. – Ты что, налоговая служба? Может, ты все встречные «мерседесы» останавливаешь или за заборы особняков заглядываешь – эй, ребята, деньги-то у вас откуда? Бизнес у него, ясно тебе?! Писательский бизнес.

– Бизнес так бизнес. Я вот чего боюсь – не многовато ли

*персонажей. Сейчас они, как полагается, сойдутся в доме...
И как бы читатель не запутался, – волновалась я.*

– Дадим персонажей списком, – тут же придумала Ольга.

Список персонажей

Хозяева

Кирилл, 43 года, – хозяин дома, писатель, богат, успешен.

Лариса, 42 года, его жена, – склонная к полноте блондинка (крашенная), уверенно идет по жизни на своих толстеньких ногах.

Мариша, дочь Ларисы и Кирилла, – милая восемнадцатилетняя девочка, где-то учится, кажется, в Академии при Президенте. Учится плохо, но ей не привыкать, она и в школе была двоечницей. Зачем она Президенту, непонятно. А может, она учится на актрису? Да, пожалуй, лучше она будет у нас будущей актрисой!

Домработница *Надя* – домработница как домработница, незаметная.

Гости

Рита, около 30 лет, – секретарша Кирилла. Нет, не секретарша, это какое-то противное слово, лучше так – дове-

ренное лицо. Милая женщина, похожая на спаниеля.

Игорь, 43 года, – кто-то вроде младшего партнера или даже очень-очень младшего партнера, судя по тому, как он заискивает перед Кириллом.

Ира, 40 лет, – жена Игоря, красавица. Похоже, очень завистливая.

Таня, скрывает возраст, хотя это просто смешно – видно, что ей около 40. Актриса.

Кирочка, Танина дочь, 19 лет, – очень странная девочка, тихая такая, не то что Мариша. Учится на первом курсе исторического факультета. Почему? По-моему, история – это так скучно...

Катя – девушка с большими ногами и провинциальным говором.

Аврора – прощательная питерская сумасшедшая в самом лучшем смысле слова. Такие водятся только в нашем прекрасном городе, в Москве их нет и в помине.

– Ну вот. Не так уж много персонажей получилось, у Агаты Кристи бывает и больше, – удовлетворенно сказала Ольга, – и все должны оказаться связаны между собой жуткими, просто жуткими тайнами.

Она внезапно понизила голос и прошепела:

– Идет... снимает ботинки в прихожей... Подкрался бесшумно, как тигр.... В руке какие-то бумаги... Ой, это, ка-

жестя, телефонные счета. Представляешь тигра с телефонными счетами в руке?... Слушай, у меня к тебе чисто теоретический вопрос – тебя когда-нибудь били телефонными счетами?

Глава первая

Преступление

Племянник повел себя совершенно неприлично – развернулся и уехал, высадив Аврору и Б. А. у дома с зеленой крышей и чугунными решетками. Аврора пыталась слабо протестовать: мол, погоди, нужно познакомиться, разве я тебя этому учила, но он только раздраженно потряс бородкой и сверкнул очками, неразборчиво пробормотал что-то вроде: «Не собираюсь шаркать ножкой, конференция, тезисы, доклад» и был таков.

– Милости прошу, – поклонился Авроре Кирилл.

С Авророй или, по крайней мере, с Аврориной спиной всегда начинали разговор со слова «девушка», а когда Аврора поворачивалась лицом, отсекались, – тьфу, черт, это же и не девушка вовсе, а просто Маленькая-Собачка-До-Старости-Щенок!

Кирилл был невысоким, ненамного выше маленькой Авроры, но хотя его, по-мальчишески тонкого, издалека можно было принять за подростка, женщины о нем говорили с придыханием: «Крас-савец!» Кирилл кривил в постоянной усмешке четко очерченные чувственные, чуть подпухшие губы, и лицо его постоянно менялось, как будто находилось

в какой-то тонкой и тесной связи с теми, кто на него смотрел. Долгие годы его лицо было таким нежным, словно его не касалась бритва. Теперь, к сорока годам, нежность ушла, но осталась открытая мальчишеская улыбка, чуть плывущий взгляд, то беззащитный, то вдруг жесткий, а иногда в нем даже мелькала петушина заносчивость. В Кирилле было обаяние испорченного мальчика, которое так сильно действует на женщин, не на всех, конечно, но на многих. Мужчины видели его другим – энергичное лицо, твердый волевой подбородок и так резко цепляющий собеседника взгляд, что никому и в голову не приходило назвать его маленьким, коротышкой, недомерком или еще как-то пренебрежительно. – Добро пожаловать в мой дом типа особняк, – играя подвижным лицом, проговорил Кирилл тоном персонажа из анекдота. – В мой, так сказать, элитный, комфортабельный коттедж.

Аврора отступила на шаг, прикрыла глаза и, раскачиваясь, заборомотала:

Чтобы время
в берлоге
неспешно текло,
Городскую забудьте
Невысокий
Заборчик, кирпич
и стекло
Плюс зеленый
паркет под

травку...

Отец с сыном одновременно двинулись было навстречу друг другу, но поцеловаться не решились и, ограничившись неловкими кивками, спрятались за спинами своих женщин.

Мужчина обычно легче переносит женскую авторитарность, если женщина маленькая и слабенькая; если же женщина оказывается крупнее, он обычно очень ревностно утверждает свое превосходство. Тут же все было против правил. Лариса скромно стояла позади мужа, явно уступая ему площадку, но выглядела очень довольной собой, очень хозяйкой дома. На ее лице читалась спокойная уверенность: Кирилл, ее муж, – автор своих знаменитых книг, а она автор своих котлет в своем доме. Кирилл подчеркивал ее главенство в их семейной паре, отчетливо смотрелся послушным мальчиком рядом с «мамочкой» и, очевидно, был доволен таким распределением ролей.

– Добрый день, – поздоровалась Лариса, улыбнувшись профессиональной радушной улыбкой, – мы очень рады вас видеть.

У Ларисы была очень красивая фигура, которой она очень стеснялась. Лариса словно явилась из другого века, с картин Венецианова, и была создана для сарафана и коромысла на плече. Покатые плечи, тонкая талия, широкие печальные бедра – красиво и вопиюще немодно. Бедная Лариса безуспешно пыталась замаскироваться одеждой в стиле уни-

секс, но разве спрячешь русскую народную фигуру в узкие брючки и облегающие маечки? Сейчас она встречала гостей тесно зажатая коричневым вельветовым костюмом – укороченные брюки, тесноватая курточка – и, как всегда, была хороша и смешна одновременно. В сарафане было бы лучше.

– Б. А. показывал мне ваши фотографии в каком-то питерском журнале, не припомню, в каком именно. Вас представляли как хозяйку женского клуба, – светски промолвила Аврора. – Я тоже всегда очень интересовалась женским движением... хотя я считаю феминизм несколько ущемленным. Вы согласны, что феминистки однобоко подходят к тендерным проблемам?

Лариса промолчала. У нее не было тендерных проблем, хотя слово это показалось ей смутно знакомым.

– Лариса вам после все подробно расскажет, – поспешно сказал Кирилл.

– Неужели это все ваше? Да вы настоящий латифундист, – кокетливо заметила Аврора Кириллу, неопределенно поводя рукой в сторону забора.

Лариса удивленно взметнула глаза на мужа: что это такое латифундист – комплимент?..

– Мне нравится, что у меня здесь много земли, – ответил Кирилл.

«Кирилл Борисович, вы – среднесчастливый, нормально, обычно счастливый человек, – произнес внутри него чужой убеждающий голос, – или уж, во всяком случае, такой, как

все, не более несчастный, чем все остальное человечество».

Из дома вышла Рита с белой сумочкой-бочонком под мышкой. Она была похожа на спаниеля – большая голова, коротковатые ноги и умное собачье выражение лица, как будто она все время к чему-то прислушивалась. А в целом Рита была из тех, о ком говорят – милая, приятная женщина.

– Как я рада вас видеть!.. – воскликнула Рита, чуть ли не кинувшись на шею Б. А., и было видно, что это не просто дань вежливости. – Как там у вас, в Комарове?.. Помните, как мы играли на вашем участке? Там шестнадцать сосен...

– Ну, Риточка, разве можно сравнить мою избушку на курьих ножках с этакой роскошью, – повел глазами вокруг и ласково потрепал Риту по плечу Б. А. – А ты прекрасно выглядишь.

Улыбнувшись в пространство, всем и никому, Рита прикурила сигарету и отошла в сторону, не демонстративно, но подчеркнуто скромно – так выходит на сцену хорошая актриса, зная, что ее роли соответствует место на заднем плане, а не на авансцене.

– Почему эта милая барышня стоит в стороне? Она домработница, охранница, консьерж, мажордом? – громким шепотом осведомилась Аврора.

– Рита – секретарь и доверенное лицо Кирилла, – опасливо глядя на Аврору, пояснила Лариса.

Рита действительно была доверенным лицом, и очень удобным лицом – на нее была возложена организация жизни

семьи Ракитиных: билеты, ремонты, встречи.

По сравнению с бедно одетой прыщавой девчонкой, какой Б. А запомнил Риту со времен, когда ее семья снимала дачу по соседству, Рита действительно выглядела сейчас прекрасно, хотя в ней чувствовался некоторый диссонанс, как будто она еще не решила, кем ей быть: современной деловой женщиной или жалкой хлопотуньей из советских фильмов, «блондинкой в жутких розочках». За «блондинку в жутких розочках» были легкие выбеленные кудряшки и смягчающий резковатые черты лица пастельный макияж, за деловую женщину – строгий, отнюдь не дачный пиджак. Опытный взгляд отметил бы несоответствие и в ее наряде – дорогой костюм и наивные туфли-лодочки, из тех, что продаются на рынках, – дешево и сердито. Сумка-бочонок, которую она любовно прижимала к себе, тоже была родом с турецкого рынка, лишь притворяясь модной и дорогой. Было бы лучше, если бы доверенное лицо нарядилось в старенькие джинсы и кроссовки.

Рита улыбалась и смотрела на всех, как милый умный спаниель, – вопросительно, со сложной смесью готовности сделать, что требуется, и достойной независимости.

Кирилл переминался с ноги на ногу. В голове металась детская отчаянная мысль: «Что делать? Попросить прощения?» И детское же упрямство – а, собственно, за что? Может быть, просто сказать: «Па-ап, давай помиримся...»

Кто это? Чужие здесь не ходят. Лариса удивленно смотрела на приближающуюся к ним девушку с рюкзаком в слишком узкой юбке.

– Здесь живет Кирилл Борисович Ракитин? – спросила Катя. – У вас такой красивый дом, самый лучший!

Лариса удивленно моргнула – дом с башенками был самым скромным в поселке.

– Это я, – поспешно ответил Кирилл, – а вы...

Катя коротко шагнула вперед и напряженно поклонилась.

– Я Катя...

Хозяева дома с башенками явно не ожидали незнакомую девушку в узкой юбке.

Катя была в полосатых носочках – ничего, конечно, особенного, но Ларисе прежде не приходилось принимать у себя дома девушек, одетых в юбку и носки.

Можно сказать, что девушка Катя просто свалилась ей на голову со своим рюкзаком и провинциальным выговором. Но провинциальные гости всегда появляются как снег на голову, тут уж ничего не поделаешь, и после того как Кирилл назвал гостью дочерью одной старой знакомой, Ларисе ничего не оставалось, кроме как сделать вид, что она очень рада или, по крайней мере, не совсем уж не рада девушке Кате.

А девушка Катя ничего такого не поняла, потому что она вовсе не считала себя незванным гостем, и путь ее в дом с башенками, зеленой крышей и чугунной решеткой был не

близким, особенно для человека, впервые покинувшего свой дом.

Катя широко улыбнулась хозяевам, и стало видно, что ей все-таки меньше двадцати. Просто она была очень крупная барышня.

Гости уже довольно долго стояли во внутреннем дворике – мирились, знакомились, удивлялись неожиданному появлению Кати.

– Пойдемте в дом?.. Рита, будь добра, скажи, чтобы принесли закуски, – светски произнесла Лариса. Так английские аристократки обращаются к людям ниже по положению. Наверное, Лариса любила английское кино, иначе где бы она могла так ловко перенять их манеры.

Ларисина гостиная была выдержана в скандинавском и одновременно минималистском стиле, и этот холодноватый льняной минимализм был выбран ею не случайно. Писатель, хоть и культовый, никак не мог сравняться доходами с соседями-банкирами, тем более один из соседей (тот, что не афишировал род своих занятий), по слухам, занимался то ли утилизацией отходов, то ли просто помойкой, а это такое прибыльное дело, что страшно подумать. Разумно решив, что не сможет соперничать с соседями в гонке по добыче антикварной мебели и других дорогостоящих изысках, Лариса устроила все так, что смело могла смотреть в глаза соседям: это наш стиль, это наша концепция, это именно так, как нам

нравится.

Вдоль стен стояли короткие белые диваны и кресла модных прямоугольных форм, низкие столы матового стекла – у каждого дивана по два, на столах лампы простого дизайна с белыми абажурами из рисовой мятой бумаги и множество затейливых цветов в незатейливых кадках. Цвет – белый, с вкраплениями тусклого цветного, материал – лен. Много света, белые льняные занавески, собранные широкими лентами, и белоснежный ковер на полу – если честно, Лариса на ковер искоса поглядывала, жалея, что не велела домработнице убрать. Аристократки из английского кино не поглядывали нервно на свои ковры, а наоборот, относились ко всему, что их окружало, очень небрежно, но ведь их с рождения окружала белоснежная чистота, которая ни за что не могла запачкаться, а Лариса пока еще к этому не привыкла. Но все равно – она была исключительно светская женщина, и гостиная у нее была исключительно светская, и дочь Мариша тоже была очень светская.

Заплетаясь ногами, как жеребенок, Мариша сбежала со второго этажа навстречу гостям.

– Слушайте все! Папино интервью в журнале «Кошка ру»! – восхищенно сияла Мариша. – Папа, а ты уже видел?

– Аск! – ответил Кирилл.

– А вы тетя Аврора? – притоптывая на месте от возбуждения, спросила Мариша. – А почему у вас такое имя? Вас

в честь крейсера «Аврора» назвали?

– Умоляю, только без теть, – испуганно вздрогнув, ото-звалась Аврора. – Деточка, Аврора – это богиня утренней зари. – Глупо признаваться, что она была названа именно в честь революционного корабля.

– Малышке, наверное, лет двадцать. Так почему она немедленно объявляет незнакомую, не очень пожилую даму тетей?.. – прошептала она Б. А.

– Откуда мне знать? – удивился он.

– Папа, а я сегодня была в салоне, BMW смотрела... я хочу красную!.. – не унималась Мариша.

Она не обратила на Катю никакого внимания, а Катя посмотрела на Маришу с восхищением – в этом роскошном доме живут роскошные люди, для которых вполне естественно сказать: «Хочу луну с неба, аленький цветочек и красную „тройку“ BMW».

Мариша предложила гостям аперитивы, но Аврора не пи-ла из принципа, а Б. А. – от волнения. Но все-таки Аврора приняла от Мариши бокал с мартини – это был настоящий прием, а на приемах всегда все ходят с бокалами и общаются.

В гостиную вошла красивая пара. Игорь, высокий-краси-вый-черноволосый, и Ира, высокая-красивая-черноволосая и самая нарядная в этой гостиной. Они были так похожи друг на друга, что их можно было бы принять за брата и сестру, но парадные улыбки, накинутые на лица, как второпях бро-

шенное покрывало, говорили о том, что они вовсе не брат с сестрой, а муж и жена, которые прервали ссору лишь на пороге, еще не успев стереть с лиц выражения злости и раздражения.

Игорь был заметно возбужден.

– Я принес тебе подарок, водку «Дипломат» и картошку с селедкой на закуску! – Игорь преподнес Кириллу искусно выполненный восковой муляж. Восковую водку немедленно хотелось выпить, а селедку съесть.

Ира пристально оглядела стол, гостей и Ларисино платье, взяла бокал, налила тоник и собиралась отойти от столика с напитками, но, поймав напряженный взгляд мужа, мягким любовным движением плеснула себе джина.

– Аврора, давайте я не буду вам никого представлять, – предложил Кирилл с видом благовоспитанного мальчика. – Тогда вы сможете обращаться ко всем на «эй, ты!».

Б. А. укоризненно покачал головой и взглядом указал Авроре на Таню, высокую женщину с пепельными кудрями вокруг нежного большеглазого лица. Поэтически настроенные люди называют такие лица ангельскими, но ведь и ангельские лица прорезают морщинки и портят неприятные припухлости, и как бы эти поэтически настроенные люди назвали сорокалетнюю Таню – бывший ангел?

Бывший ангел весь струился, очевидно, считая, что у ангелов не бывает возраста: сверху нежно-розовые газовые волны шали, снизу темно-розовые шелковые волны широкой

юбки.

– Таня, давняя подруга нашей семьи, актриса.

Б. А. не ожидал когда-либо увидеть Таню, но почти не удивился. С самого первого мгновения, проведенного в доме сына, Б. А. чувствовал себя как-то странно, вне времени. Словно все это либо произойдет завтра, либо уже было вчера, но никак не происходит сейчас. Как во сне. И почему-то его не оставляло чувство, что ему не стоило заходить в этот сон.

– А это Кирочка, Танина дочь, – поспешно сказал Кирилл. – Кирочка, познакомься.

Маленькая тощенькая Кирочка вежливо улыбнулась тонкими, как ниточка, губами.

«Нужно подбодрить этого оловянного солдатика», – подумала Аврора и самым своим ласковым голосом – обычно она использовала его для беседы с детьми – сказала:

– Вы напоминаете балерин Дега, у вас такие же тонкие черты и хрупкие плечики... Кем вы собираетесь стать, дружок?

Кирочка молчала. Молчала и смотрела на Аврору. Какова? Нужно иметь достаточно мужества, чтобы не ответить на благожелательный вопрос взрослого человека, а уж не ответить Авроре было и вовсе необычно.

Аврора обиженно выпятила губы и надулась. Большею частью ее любили, уважали и отчетливо отвечали на вопросы.
...Каждый человек чем-нибудь гордится, например собой,

или своими детьми, или своей собакой. Удачный кафель в ванной, платье от Балансиага, кандидатский диплом – мало ли предметов для гордости. И Аврора тоже гордилась, вернее, жила с постоянным ощущением своей особенной судьбы.

Дело в том, что в Аврориной квартирке когда-то давно обитала ее старшая сестра, очень бойкая барышня с ярко выраженными художественными пристрастиями. Сестра была знакома решительно со всем Питером, и среди «всего Питера» действительно были тогда еще просто юные непризнанные поэты, писатели и художники, а в будущем – питерская слава. Поэты, писатели, художники бывали у сестры, разговаривали, пили вино, читали свои произведения и смеялись, а маленькая Аврора по очереди сидела на коленях у будущих знаменитостей и ни за что не соглашалась идти спать. Позже поэты, писатели и художники уехали за границу и стали знаменитыми или остались и стали знаменитыми, и когда, через много лет, старшая сестра умерла, именно Аврора сделалась почти единственной из тех, кто помнил о том, как поэты, писатели и художники пили вино, читали стихи и смеялись. Аврора гордилась достижениями всех своих знакомых знаменитостей, но особенно трепетно относилась к великому питерскому Поэту, равному, как она считала, самому Пушкину. Она вспоминала Поэта профессионально – в прессе, на радио и однажды даже на телевидении, после чего стала считать себя почти телезвездой. За долгие годы она до-

бавила к своим воспоминаниям много разных подробностей. Единственное, о чем Аврора всегда забывала упомянуть, – что Поэт, очевидно, был большим другом детей, потому что самой Авроре во времена близкого общения с ним было не больше восьми-девяти лет. Никто и не заметил, что Аврора невзначай совершила истинный подвиг любви – слегка разминувшись с Поэтом во времени, она сделалась его современницей, прибавив себе лет пятнадцать. Лишь бы быть рядом с ним, хотя бы в собственных воспоминаниях. В квартирке за прошедшие со времен визитов Поэта десятилетия ничто не изменилось. Аврора жила среди священных предметов: вот стул, на котором сидел Поэт, вот карандашный рисунок Поэта на буфете, а вот и винная бутылка с написанным на этикетке рукой Поэта четверостишием. Но ведь он и чай здесь пил, не мог не пить. Тогда почему бы не из этой, к примеру, чашки?. Выходило, что мемориальным в ее доме было все, включая и саму Аврору.

Мог ли Поэт представить, что где-то в огромном мире затерялась эта крошечная квартирка, где десятилетиями жила память о его мимолетном присутствии?

Ну, Поэт, наверное, мог, а вот обычные люди ничего не знают друг о друге. Быть огоньком, мягко горящим в чьей-то душе, даже не подозревая об этом, – это так волнующе и загадочно, а с другой стороны, почему бы и нет – ведь в нашей душе тоже обязательно живет Некто, к примеру, образ первой любви из детского сада, и он, этот образ, никогда об

этом не узнает...

Ну а в Аврориной душе жил Поэт.

Б. А. подозревал (конечно, из ревности), что ребенок Аврора была знакома с Поэтом не очень близко. Бывали минуты, когда он, выступая совсем уж мстительным ревнивцем, думал, что знакомство ребенка Авроры с Поэтом было такого рода, когда один человек знаком с другим, а этот другой с ним – нет.

Опять же к тому, что мы порой не знаем ничего о других людях, даже о самых близких, – у Б. А. была от Авроры тайна. Он считал (возможно, из ревности), что для гения, равного Пушкину, Поэт писал немного слишком сложно, и что он, Б. А., пожалуй, все-таки больше любит Пушкина, тем более раз уж они равны... А из современных – Самойлова и Слуцкого. Но это было тайной, особенно Слуцкий.

Б. А. послушно читал Поэта вслух по требованию Авроры и про себя – под пристальным контролем Авроры. Ему вообще пришлось смириться с постоянным присутствием Поэта в их жизни – что же ему оставалось, ведь Аврора предпочла бы витающую по ее квартирке тень Поэта любой реальности, тем более такой несовершенной реальности, как Б. А. А он был ужасно несовершенной реальностью, о чем Аврора без усталости ему и сообщала.

Итак, Аврора была не одна – с ней всегда был Поэт. Племянник, например, специально приводил к ней своих знакомых и представлял ее так: «Моя тетка – культурный раритет,

была лично знакома с Поэтом». Знакомые мгновенно смущались и начинали следить за осанкой, и Авроре это было приятно – не за себя, а за Поэта.

...Так что Кирочкино спокойное равнодушие было ей непривычно, и она почувствовала себя неуютно. Похоже, ее поставили на место, и в душе Аврора ужасно растерялась.

– К столу, прошу всех к столу, – громко позвала Лариса, проходившая мимо с полной вазой цветов. Пышный розовый георгин мазнул Кирочку по лицу, но девушка не ойкнула, не улыбнулась и не нахмурилась – у нее было почти лишенное мимики лицо. Такое бесстрастное личико могло принадлежать не юной девушке, а взрослой, бесповоротно взрослой женщине, какой далеко не каждой удается стать. А вот Кирочке удалось.

Умело пресекая увиливания гостей в сторону – прогуляться по дому, выйти покурить или приватно поболтать, Лариса усадила всех за стол и, приятно улыбаясь, принялась расхваливать закуски.

– Холодный крем-суп из анчоуса, сервированный копченым лососем. А это террин из сыра моцарелла и помидоров. Салат «Цезарь» с соусом из анчоусов, гренками и сыром пармезан.

– Все это подается в мамином клубе, – не удержалась и похвасталась Мариша. – Террин из моцареллы просто потрясающий!

– Я специально принес твой любимый, – тихо сказал Кириллу Игорь. – Мне хотелось выпить – ты знаешь, за что...

Сидевшая по его левую руку Аврора ощущала исходившее от Игоря радостное возбуждение так явственно, будто рядом с ней тонким звоном заливался будильник. В ней самой тоже иногда звенел такой возбужденный звоночек – когда она бывала влюблена.

– Что же, мне и водки не с кем выпить? – возмутился Кирилл.

– Ну давай водку, – разочарованно протянул Игорь.

Кирилл мог оскорбиться из-за сущего пустяка, и чем пустячнее, мельче был повод, тем опаснее бывало ему противостоять: такое презрение появлялось на его лице, словно он удивлялся, что окружающие тоже считают себя людьми... Непонятно, как ему это удавалось, но почему-то при этом его обаяние никуда не исчезало.

– Ну, давай выпьем ты знаешь, за что, – повторил Кирилл слова Игоря, в котором при этих словах звоночек взорвался радостной трелью.

И они выпили за что-то известное им одним, а Ира выпила вместе с ними просто так – полбокала джина, назло Игорю.

Все увлеченно передавали друг другу закуски. Лариса задумчиво глядела на террин в своей тарелке, размышляя, не съест ли ей лучше крем-суп или салат «Цезарь», и будет ли такой обмен равнозначен в смысле калорий. Ира с Игорем вели партизанскую войну за бутылку джина: Ира все подли-

вала и подливала себе в бокал, а Игорь пытался, соблюдая приличия, незаметно, по сантиметру, отодвинуть от нее бутылку.

Аврора умудрилась попробовать все по третьему разу, Таня, страдальчески морщась, ковырялась в тарелке, потому что ангелы обычно не бывают голодны, Рита деловито доедала вторую порцию салата «Цезарь», а Катя все еще не решалась приступить к еде – в общем, застолье шло своим чередом.

– А почему вы ничего не едите? – спросила любопытная Аврора, заметив, что перед Кириллом и Игорем стоят отдельные тарелки, а на тарелках грецкие орехи, семечки и курага. – Что это у вас, специальная диета?

– Они уже три недели ведут здоровый образ жизни, – пояснила с улыбкой Ира. – Кирилл по убеждению, а Игорь так... за компанию. Ему для Кирилла ничего не жалко, даже мясо может не есть. Жует орехи, а сам мечтает о баранине. Грызет семечки, а сам грезит о жирном куске свинины. А вчера ночью я застала его у холодильника, как Васисуалия Лоханкина. Правда, Васисуалий?

Игорь в ответ на выпад жены решительно переставил джин на другой конец стола.

Взметнув розовыми шелками, Таня встала и, поиграв с пультом CD-проигрывателя, с полужакрытыми глазами заструилась в такт музыке.

– Во мне живет танец, я жертва музыки, – кружась на месте, напевала она, будто бы самой себе. Довольно громко напевала, между прочим.

Лариса взяла пульт, и музыка прекратилась. Таня, не открывая глаз, демонстративно замерла в прерванном движении.

– Голова-а... бо-олит... я сегодня просто сгусток нервов, – протянула она.

Домработница Надя, невысокая худенькая женщина неопределенного возраста, крутившаяся с подносом за спинами гостей, наклонилась к ней.

– Давайте я вам травку дам от головной боли, – прошептала она, достав из кармана передника темнозеленый пузырек, – вот, только что заварила, на кухню несу.

– Надя делает отвары трав, мы теперь вообще лекарств не пьем, – пояснила Лариса, поймав любопытный взгляд Авроры.

– Только вы осторожно, пару капелек капните, и все... а то и отравиться недолго... Пурпуровая наперстянка вещь опасная, вот у меня как раз одна знакомая умерла... – просто-душно произнесла Надя.

Лариса строго взглянула на нее, и Надя тут же ретировалась на кухню.

– А давайте кого-нибудь отравим?! – развеселилась Мариша. – Можно в чай плеснуть, можно в пиво. Отвар этот желтый, никто и не заметит.

На фоне Ларисиной неприязни к жертве музыки даже смерть Надиной знакомой показалась милой застольной шуткой, а уж Маришино предложение и подавно, и все оживленно заулыбались.

Поднялся Кирилл с бокалом вина.

– Б. А. никогда не мог привести в дом женщину: сначала родители мешали, потом жена, потом сын... Но вот я вырос, и Б. А. наконец привел Аврору.

За Кириллом водилась эта манера внезапно сказать что-то ошеломляюще бестактное – так швейная машинка вдруг подпрыгивает посреди ровных стежков. Б. А. уже почти забыл, как это неприятно...

Рита беспокойно поглядела на Аврору. Ее обязанности в этом доме были разнообразны, и, к примеру, загладить сейчас нетактичность хозяина тоже надо было ей. Она же не знала, что Аврора обижалась, только когда желала обижаться.

– Вы поженились? Я вас поздравляю! У вас любовь, это так трогательно, – чуть более ласково, чем надо, произнесла Рита, наклонившись к Авроре через стол.

– Поздравляйте, – рассеянно кивнула Аврора, – я очень люблю, когда меня поздравляют... Что же касается любви... Знаете, милочка, в нашем с вами возрасте о любви не говорят, она или есть, или ее нет...

– В каком это «нашем», вы же... я же, – опешила Рита, на глазах перетекая из имиджа деловой женщины в пошловатую «блондинку в жутких розочках». Подавив желание вы-

бежать из-за стола и немедленно посмотреться в зеркало, она еще раз придирчиво рассмотрела Аврору и еще раз изумилась. Конечно, Авроре ни за что не дашь ее лет – маленькая, худощавая, седые волосы по-детски убраны в хвостик, но все же какое невероятное нахальство: «В нашем с вами возрасте!»

– Мне уже делать шашлык? – спросил Игорь Кирилла.

– Уже делай, – мрачновато отозвался Кирилл, и Игорь направился в сторону кухни, небрежно-вороватым жестом прихватив со стола бутылку джина. Это был бессмысленный акт, так как стол был уставлен напитками, и с его стороны было довольно глупо рассчитывать, что Ира прекратит пить.

– Игорь, пойдем домой, – в спину ему проворковала Ира и невинно добавила: – Кирилл все равно не разрешит тебе есть шашлык... а дома поешь мяса с картошечкой...

В выражении ее лица было столько пронзительной злой нелюбви! Такое лицо обычно не решаются показывать на людях, но Ира не постеснялась – ведь Игорю удалось унести лишь полбутылки джина, а остальное она успела выпить.

– Дождь идет, – первые слова, произнесенные Катей за весь вечер, случайно прозвучали при общем молчании, и она смутилась, словно сказала глупость, и заправила волосы за мгновенно покрасневшие уши. Мариша посмотрела на нее с насмешливой жалостью: она не была недоброй или заносчивой, просто покрасневшие уши сейчас не в моде.

Аврора отреагировала моментально, словно на животе у нее была кнопочка:

– Но правда в том, что если дождь идет,
нисходит ночь, потом заря бледнеет...

– Ах, – оживилась Таня, – я с детства пропадаю на дорогах поэзии, я просто вся цвету стихами...

...подумать вдруг, что если гибнет дом,
вернее – если человек сгорает,
и все уже пропало: грезы, сны...

Кирилл резко поднялся и, не сказав ни слова, направился к лестнице, ведущей наверх, в кабинет. Может быть, он не любил стихи?

Никто не удивился. Все привыкли к тому, что иногда только что милый улыбчивый Кирилл внезапно, без видимой причины, менялся в лице, и тогда – хорошо, если успевал уйти, побыть один, а бывало, словно что-то в нем взрывалось, всегда одинаково, злобно, беспомощно и страшновато.

Аврора тоже не удивилась, но не потому, что знала за Кириллом эту его манеру внезапно уходить из-за стола, – она просто ничего не заметила.

– Сегодня ночью у меня в квартире тоже шел дождь, – сказала она. – Представьте, я сплю, и вдруг сверху дождь. Сначала я накрылась всеми одеялами, потом всеми газетами, а

потом газеты тоже протекли, и я промокла... А утром смотрю – окно открыто. Вот какой сильный дождь шел у меня в квартире. Чистый Хармс.

– Что?! – бессильно выдохнул Б. А. – Ты же простудилась... тебе срочно нужно принять аспирин и микстуру от кашля...

– Не паникуй, – довольная Аврора оглянулась, чтобы проверить, все ли заметили, как он за нее испугался, но оказалось, замечать было некому, они с Б. А. остались одни.

Гости разбрелись по дому – посидеть на веранде, посмотреть, как делается шашлык, поглядеть на горящие поленья в камине. Аврора уселась у камина и оцепенела – огонь всегда действовал на нее, как на домашнюю собаку, в которой вдруг просыпаются первобытные инстинкты.

Зазвонил телефон. Лариса вошла в комнату, где оставались только Аврора с Б. А., поискала глазами трубку и, не обнаружив ее, включила громкую связь.

– Не спишь? Вчера моя приятельница была в твоём ресторане, – раздался женский голос. – Учти, по-дружески тебе говорю: она сказала, волован из грибов был несвежий.

– Да?.. – растерянно проронила Лариса, хотя было очевидно, что, конечно же, да. – А дизайн? Дизайн ей понравился?

– А разве в твоём ресторане есть дизайн? – невинно удивился женский голос. – Кстати, у тебя никого нет в Эрмитаже? Хочу отдать ребенка в кружок, а там большой конкурс...

– Сучка! – выплюнула Лариса, впрочем, вполне беззлоб-

но, усевшись напротив Авроры после окончания разговора. – Это жена владельца сети магазинов «Полет»... Ну, знаете, те, что на каждом шагу... Думает, если у нее столько денег, то ей все позволено... У меня к вам просьба. Вы же один, то есть одна из лучших экскурсоводов в Русском музее... Не могли бы вы мне помочь?..

– О чем разговор, милочка, для меня это сущие пустяки, – приветливо улыbnулась Аврора. – Пусть ваша знакомая придет к директору. Только будет лучше, если она не скажет, что она от меня, вообще не упоминает моё имя. У меня с директором конфликт. Кстати, виноват он...

А в это время кое-кто незаметно улизнул, поднялся по маленькой боковой лестнице на самый верх, в самую дальнюю комнату под крышей, долго пристраивал себя на угловом кожаном диване, удивляясь его скользкой неудобной бессмысленности, и, сказав себе: «Я только на минуточку», задремал. Этот кое-кто был, конечно, Б. А. Он чувствовал себя совершенно разбитым и опустошенным. Какая нелепая идея это публичное примирение! Как будто можно у всех на глазах за несколько минут исправить то, на что ушла вся жизнь... или часов, или дней...

Кабинет Кирилла выглядел, как тысячи других кабинетов – черный кожаный диван, книжные полки, огромный письменный стол. Единственным отличием было то, что в этом кабинете личность хозяина не была видна ни в одной детали.

В кабинете мужчины всегда каким-то образом проявляется личность хозяйки дома, и по степени внедрения в сугубо частное мужское пространство можно судить об отношениях между супругами. Невзначай подсунутые в кабинет игрушки, фотографии, сувениры на память о совместной поездке – любая мелочь годится, чтобы супруг никогда не оставался тут без нее.

Небрежно брошенные на диване подушки (если бы они там были) могли бы, к примеру, поведать нам о Ларисиной манере забежать посреди дня, усесться поудобнее, зарывшись в подушки, и поболтать, а может быть, даже и прилечь на диван. Но на черном кожаном диване никто не сидел, а уж тем более не лежал со дня покупки.

О самом Кирилле Ракитине могли бы рассказать какие-нибудь предметы – к примеру, удочка, неожиданная отвертка посреди канцелярских принадлежностей, ножик или, скажем, фляжка, любая мужская штучка, хотя бы кляссер с марками, – но нет. Единственно личным была заставка на мониторе – старый дом в соснах.

На столе стояла фотография в старой, изъеденной жуками рамке – прелестное женское лицо, большеглазое, легкие кудри подняты со лба, узкие губы подправлены помадой в модный бантик. Очаровательное лицо, чуть старомодное, словно со старинного медальона, хотя на самом деле – всего лишь недалекие 50-е годы.

Рядом была еще одна фотография: то же лицо, неприятно

тронутое временем, – но эта неприятность, казалось, заключалась не в поплывшем овале, морщинах и прочем, а скорее в контрасте с нежным очарованием соседнего изображения. Странное это было лицо: жесткий взгляд, нелюбимые заброшенные губы... опустевшее лицо, как дом, который оставили жильцы.

В остальном зеленая поверхность огромного письменного стола была совершенно пустой, словно стол стоял не в писательском кабинете, а в доме, где хозяева считают кабинет и письменный стол обязательным атрибутом приличной обстановки, не более.

Но если кабинет ничего не говорил о Кирилле Ракитине, то, может быть, он все же не так ревностно оберегал писателя Кира Крутого?

На открытых полках блестели корешками энциклопедии. Кирилл использовал их для сверки своих фантазий с реальностью – чтобы случайно не повторить реальность. На письменном столе царил нерабочая чистота: монитор, стаканчик с веером идеально отточенных карандашей, бокал на подносе. И все, словно никто никогда не присаживался к компьютеру и словно с этого стола, как с конвейера, не сошло множество книг.

Кир Крутой выходил огромными тиражами, и его читательская аудитория была достаточно разнообразной. Его поклонники воображали своего любимого писателя человеком, с трудом отрывавшим затуманенный взор от беспоря-

дочного вороха бумаг и собственных мыслей, похожим на Эйнштейна на той знаменитой фотографии, где он шизофренически высовывает язык. Они удивились бы, увидев, что обожаемый ими фантастический мир, так густо населенный персонажами, рождается посреди такой внешней пустоты. Поклонники не могли заглянуть в его шкаф, но если бы случайно взглянули, то удивились бы еще больше. В шкафу не просто царил порядок – это расхожее выражение не могло передать геометрической точности, в которой находилась его одежда. Лариса всегда покупала своему знаменитому мужу партии одинаковых футболок, трусов и носков, специально для того, чтобы при складывании в стопки швы совпадали у них с точностью до миллиметра.

Выходящие из-под пера Кира Крутого затейливые фантазии странным образом не сочетались с таким педантичным обустройством Кирилла Ракитина во внешнем мире. Но ведь и с его удивительной способностью ориентироваться в практических, материальных делах они тоже не сочетались.

А, собственно, почему читатели Кира Крутого должны были представлять себе его именно так, а не иначе, и вообще – почему он, со своими футболками и носками, сложенными швом к шву, кажется нам странным?

Сам Кирилл явственно представлял свой внутренний мир в виде картинки. На картинке – прекрасный сад, огороженный высокой решеткой. Красивой и очень высокой. С острыми пиками. В саду цвели цветы, тоже прекрасные. И Кирилл

позволял читательской массе прогуливаться по прекрасному саду его души, кроме некоторых, конечно, уголков. Но читательская масса безлика, абстрактна, а вообще-то сад его души находился под надежной охраной решетки с острыми пиками.

Итак, Кирилл Ракитин, один из самых удачливых российских литераторов, разглядывал из окна кабинета свою собственность – тридцать соток земли от дома до высокого кирпичного забора.

Обычно Кирилл, в зависимости от цели, воспринимал мир то картинкой с расплывчивым сюжетом, то требующей строгого анализа схемой. И думал он, как правило, о нескольких вещах одновременно. Его мыслительная деятельность была похожа на плиту, где на каждой конфорке что-то варится, шкворчит, выкипает.

А сейчас, когда ему было так паршиво, ему нужно было свести все картинки в одну схему, проанализировать ее и получить результат. И результат должен получиться таким, каким... какой результат ему нужен?

«Зачем мне нужно было в Комарово?» – подумал он и чуть подхалимским голосом ответил сам себе вслух:

– Да так, ничего особенного... сосны...

Затем он произнес убеждающим голосом:

– Я, Кирилл Ракитин, – счастливый человек. Или уж, во всяком случае, такой, как все.

Но эти слова до конца не убедили его, к тому же он не был

таким, как все. Ему полагалось намного больше счастья, чем всем остальным, и Кирилл принялся про себя перечислять свои счастья и счастьяца.

С точки зрения среднего человека – что нужно для счастья?

Так, первое. Работа. У каждого человека должна быть работа, лучше нелюбимая.

А у него есть любимая работа (ну не скажешь же про самого себя «мое творчество»). С его дурацким, никому не нужным образованием (тьфу!) он стал обеспеченным человеком в те годы, когда многие только ныли и, не желая расстаться со своим культурным прошлым, удивлялись, почему культура нынче недорогого стоит. Все у него было – случилось, что сидел, обхватив голову руками, стонал, и казалось, что жизнь обложила со всех сторон, не вырваться. И ничего, все ништяк... Бедным быть ужасно, он это помнит. Спасибо, покушали. Бедные несчастливы по определению, а он бедным уже никогда не будет. Особенно теперь. Правда, пришлось пойти на некоторые уступки, но они были необходимы.

Теперь он узнал, что такое настоящие деньги.

...Зачем, ну зачем все-таки ему сегодня нужно было в Комарово?!

...Зачем ему сегодня нужно было в Комарово? А может, ну его, фиг ли думать? Большинство людей не хочет думать, живут как звери... ну и флаг им в руки... А у него как раз

полно времени заняться собой, своей душой. Вот, например, прямо сейчас.

* * *

Ну ладно, поехали дальше. Значит, с точки зрения среднего человека...

...Жена. Наличие жены само по себе, конечно, не то чтобы такая уж редкая в жизни удача, но Лариса – правильная жена. У нее свой бизнес – она занята, раз, и не пристаёт, два. Ее ровно столько, сколько требуется (она, кстати, и ест ровно столько, сколько требуется, не достает всех окружающих своими диетами). Ей так мало нужно для счастья: появилась ее фотография в «Кошке ру» – и она сияет. Она хорошая, даже профессиональная хозяйка... и вообще. Нормально.

Дети. У человека должны быть дети. И у него есть «очаровательная дочь» – так Маришу недавно назвали в редакции журнала, где поместили Ларисину фотографию. Дочь учится в каком-то левом театральном и катастрофически бездарна. Мариша пошла в мать, и мечта у нее такая же куцая – увидеть в глянцевом журнале свои фотографии, сделанные то на модной вечеринке, то на открытии нового элитного клуба. Мариша хорошенькая. Дочь делает честь Ларисе, и именно такого рода честь особенно важна Ларисе при ее страсти к публичной жизни... Дочь как дочь. Нормально.

Что там еще, с точки зрения среднего человека?.. А-а, ну

еще дом. Дом – вот он, красавец. Земля. Выходит, у него есть все, что должно быть у человека, – жизнь удалась.

И вдруг – раз! – и внезапно оказываешься мордой в салате. А крыша-то где? Снесло крышу... Вот, пожалуйста, например, – зачем человеку в Комарово, если человек этот живет в Токсове? Всем известно, что Токсово совсем в другой стороне... правда, можно через переезд...

...Ну а теперь самое главное.

Несколько месяцев назад у него вдруг появились мысли о смерти. Пришли и больше не уходили. Владимир Семенович, знакомый психоаналитик, как-то сказал, что каждый человек должен: а) понять для себя, что такое смерть, и б) принять свое понимание.

Как всегда при мысли о смерти, Кирилла охватила паника. Даже ладони вспотели.

Что понять?! Что принять, с какой такой стати?!

Почему всегда было ощущение, как будто он идет в горку, а сейчас, ближе к сорок третьему дню рождения, стало совершенно ясно – все, приехали, конец котенку, летим с горы... И не так, как бегал ребенком в Комарове, – в мамины распахнутые руки, а один, один, в черную бездну...

В голову приходили просто глупости и совсем уж стыдные глупости. Но Кирилл все равно неотступно думал – когда-то будет у него последняя в жизни жареная картошка, последний секс, последний Новый год... И главное, он не знает, когда именно, вот съест сейчас картошку, а она как раз и по-

следняя!.. Может быть, ему повезет, и он умрет, не зная, что умирает, просто незаметно переместится во сне туда, откуда никто еще не возвращался...

Но тогда страшно засыпать, так страшно – заснешь, словно уйдешь с поста, и не проснешься.

А Владимир Семенович говорит «принять»!..

«И как он хочет, чтобы я это принял?» – подумал Кирилл и усмехнулся нечаянному еврейскому акценту своей мысли.

Ему офигенно повезло, что он встретил Владимира Семеновича. Сначала он ему не понравился – женственный, мягкий, «какой-то пидороватый» – так он подумал про него при первой встрече. А оказался умнейший мужик. Если ли бы не он, Кирилл стал бы жалким существом, себя не знающим. А теперь у него все проблемы скоро будут решены. Владимир Семенович говорит, что если человек осознал свои проблемы, значит, он уже проделал большую душевную работу.

Кирилл выпятил нижнюю губу и подумал – все это кажется таким бредом, такой туфтой! Когда не касается тебя лично...

«А потому что иметь проблемы – это нормально. Они, проблемки мои, – часть окружающего мира. По крайней мере так говорит мой психоаналитик, – продолжал рассуждать про себя Кирилл. – Мне охренительно трудно, а мой психоаналитик говорит, что это, наоборот, хорошо... Кто бы мог подумать – у меня психоаналитик!..» – и дальше совсем нецензурно, а смысловой нагрузки не несет.

Зато теперь Кирилл твердо знал свой диагноз – кризис среднего возраста. А что, нормально. Все как у всех. Небольшой катар желудка, хронический радикулит и кризис среднего возраста.

Кирилл достал из правого ящика стола ручку, из левого – лист бумаги и написал несколько слов, просто на всякий случай.

Он стоял, почти высунувшись в окно, и смотрел вниз. Кто-то бродил под окном, издали доносилась музыка, но он ничего не видел и не слышал – с самого детства обладал способностью так глубоко уходить в себя, что ему стучали по лбу и говорили: «Тук-тук, отзовись, если ты здесь!»

И к приступам мрачной тоски можно было бы уже и привыкнуть – они с юности случались. Правда, прежде тоска была беспричинная: будто он музыкальный инструмент, который расстроился, устал. Он и научился управлять собой, как музыкальным инструментом, но в последнее время инструмент что-то не настраивается... Потому что сейчас на это есть причина, важная причина.

Кирилл мягко улыбнулся. Когда становится совсем нестерпимо, выход все же есть.

Он сел к столу, достал из ящика стола ампулу и мензурку... и уверенно – ведь это же был единственный выход, единственное спасение от боли – разбил ампулу, вылил в мензурку, выпил содержимое, затем протянул руку за стаканом и сделал глоток.

Прошло всего несколько минут, и внезапно резко погорячела рука, и затяжелела лопатка, и в груди будто разлилась горячая вода, и тут же стрелой пронзила острая тоска – он уже был с ней знаком, такая тоска бывала по ночам, в тоскливый час между собакой и волком. Только эта оказалась еще острее, еще больнее. И тут мгновенно и страшно Кирилл понял, зачем ему нужно было в Комарово.

Вслед за пониманием пришло яростное, злое недоумение – он часто встречал в книгах фразу: «И тут для него наступила темнота», или «Он увидел свет в конце туннеля», но какое право они имели писать такую туфту?! Ведь никто даже приблизительно не знает, как это бывает. А Кирилл теперь знает: просто сначала человек, сам не понимая, почему, хочет в Комарово, а затем вот так – рука, лопатка, страшная тоска... наверное, он сейчас увидит маму... А что будет дальше, он пока еще не знает, – как и все остальные на земле.

...Лариса, хозяйка дома, изнемогающая от желания немедленно придушить гостей побольнее и навсегда, поднялась наверх и оторопела от возмущения, остановившись в дверях кабинета. Там Кирилла не было!

Уехал, бросил ее с этими ужасными гостями! Б. А. не проронил ни слова, а затем вообще куда-то исчез, наверняка сейчас этот старый зануда где-то спит. Аврора уже в третий раз читает стихи, Ира пьет и все никак не опьянеет достаточно, чтобы заткнуться и перестать говорить гадости... А что

касается Тани с Кирочкой, то у Ларисы просто нет слов!.. И еще чужая девица в носках, как ее там, Катя...

Почему она должна слушать заунывные стишки, борясь с желанием выставить вон Таню с ее девчонкой? Лариса мечтательно нахмурилась: взять бы и ласково так сказать:

– Дорогая Таня и девочка! (именно так, не называя девчонку по имени). Поздно уже, идите вы в баню. К себе, отдыхать.

Неужели Кирилл все-таки уехал?! Какое счастье, теперь она может делать все, что душе угодно...

Лариса машинально отметила непривычный беспорядок на рабочем столе и подошла поближе. На столе лежала раздавленная ампула, и сначала Лариса очень аккуратно, по крошечке, собрала в руку нежные осколки и только затем заметила Кирилла. Она была так измучена своим раздражением, что почти не удивилась: устал человек, лег на пол и отдыхает, но почему все же на полу?..

Лариса тронула Кирилла за плечо, вздрогнула и резко, словно сглотнув камень, пригнула голову.

«А как же теперь...» – это было первое, о чем подумала Лариса, и только потом, изо всех сил закричала:

– Врача, скорее, врача!

...Спустя несколько минут кабинет был полон народу.

И тут произошла удивительная вещь – совершенно разные люди в один и тот же миг испытали совершенно одинаковое ощущение – что-то внутри мгновенно ухнуло вниз и мельк-

нула неприятная мысль. Почти все они тут же устыдились, как будто были ответственны перед кем-то за собственные мысли, тем более это были даже не мысли, а нечто мимолетное, какая-то реакция организма, вроде слезы или вздоха.

«Как же я...», «Что же будет...», «А-ах...» – приблизительно такими были эти мысли.

И только у одного человека в этом кабинете первой реакцией было мгновенное облегчение – какую-то долю секунды. Ну а затем все испытали то, что положено, – потрясение и ужас.

В центре внимания оказался не виновник неожиданного драматического события – ему уже ничем нельзя было помочь, – главным действующим лицом, вокруг которого закружилась общая нервная суета, стала Таня: взбежав наверх на Ларисин крик, она упала в обморок прямо в дверях кабинета.

Рита подтянула Таню на диван и деловито вывела из обморока, поочередно похлопывая по щекам, массируя кончики пальцев и наконец прислонила к спинке дивана как тряпичную куклу. Таня была так потрясена, что впервые в жизни забыла, что у нее вообще существуют эмоции.

Лариса выключила монитор компьютера, взяла со стола скомканный лист бумаги, аккуратно разгладила его и прочитала бесцветным, безо всякого выражения голосом: «Мне плохо я устала и больше так не могу». Написано было именно

так, слова лепились одно к другому, и она с трудом разобрала прыгающий почерк.

... Через сорок минут приехала «скорая помощь», и врачи констатировали смерть от инфаркта.

– Строфантин... Что это?.. – спросил Игорь врача, так боязливо взяв со стола разбитую ампулу, словно опасался, что она выпрыгнет из рук.

– А я и не знала, что он принимал лекарства... Эта его вечная страсть все скрывать, – растерянно пожав плечами, пробормотала Лариса.

– Я так всегда за молодой инфаркт переживаю, – сказала своему водителю доктор «скорой». – Самый возраст страшный – у них и дети еще невзрослые, и родители живы... Этому сорок три года было.

– Вот тебе, пожалуйста, дом роскошный, то-се... значит, бизнесмен. А у них нагрузки, нервы, разборки... Лучше уж на печи лежать...

– Ага, и яйца чесать, – неодобрительно проворчала доктор. Муж доктора как раз был из тех, кто лежал и чесал, а доктор из месяца в месяц хватала лишние дежурства. – Слушай-ка, ну и семейка! У него ведь серьезно было с сердцем. Первый раз вижу, чтобы муж принимал строфантин, а жена не знала...

Беседа четвертая

– Убили... Мы с тобой убили человека, можно даже сказать, замочили, – горестно сказала Ольга.

– Не бери дурных примеров и выражай свои мысли культурно, – ответила я. Я очень строго отношусь к чистоте речи. Считаю, мы, питерцы, сами должны быть на высоте и держать Москву в рамках приличий. – А Кирилла можно и оживить. Пусть он отдохнет, немного подумает о смысле жизни и вернется к гостям.

– Кстати, о смысле жизни, – грозно произнесла Ольга. – Зачем ты развела это занудство? «Кризис среднего возраста, боязнь смерти...»

– Извини, забылась, – кротко отозвалась я. – Но мне кажется, что у него еще были проблемы с самоидентификацией, и кризис идентичности, и...

Ольга издала тихое шипение, и я поняла, что с самоидентификацией номер не пройдет.

Только я положила трубку на рычаг, раздался звонок.

– Ты соображаешь?! – сказала Ольга. – Как же они будут делить наследство, если он не умер?

Я понимала, что без смерти ничего не выйдет, но кое-что меня смущало... Человек умер, а они не особенно горюют.

– Вспомни Агату Кристи, – уверенно отозвалась Ольга. –

К примеру, хозяин замка умер, а гости в столовой завтракают и не переживают нисколько. Если бы они переживали, они бы только кофе выпили, и все. Ну или, в крайнем случае, с булочкой. А они вообще копченую рыбу едят, омлет, кашу. После завтрака шляются по замку как ни в чем не бывало. Закон жанра – ничего личного.

Ольга, конечно, права – ничего личного.

– Заметь, что Б. А. все еще спит. Его пора будить, он же тоже наследник, – напомнила Ольга.

Но тут я была тверда. Пусть никто не переживает, с этим я еще могу согласиться. Пусть завтракают. Сырники, глазированные сырки «Рыжый Ан», бутерброды с докторской колбасой... Ах да, сейчас ночь... ну ничего, тогда они будут доедать террин, крем-суп, салат «Цезарь». Еще у них есть тарелка с семечками, курагой и орехами.

А вот Б. А. спит и будет спать дальше, всю ночь проспит. У него очень крепкий сон. Когда Аврора говорила ему, что неважно спала этой ночью, Б. А. всегда отвечал, что спал еще хуже, и вообще, совершенно измучен бессонницей. А на самом деле сон у него был как у младенца, и если он «с трудом сомкнул глаза», то разбудить его было невозможно. Ну что, Олечка, съела?!

Все люди иногда ссорятся, а уж если их связывает постель, как нас с Ольгой, то их ссоры могут принимать особо острый характер, вплоть до рукоприкладства. И если бы

Ольга сейчас была рядом, она бы шлепнула меня по руке, а бы в ответ ее ущипнула, потому что интеллигентный человек из Питера никогда не дерется, а только щиплется... Жаль, что она в Москве...

– Конечно, пятерки за сочинения были у тебя, – с сомнением сказала Ольга, – но я тебя прошу – придерживайся интригующего стиля. Запиши.

Первое. «Все пропало. Столько усилий потрачено зря». Читатель не знает, что пропало.

Второе. «Необходимо выбраться из черной дыры, по крайней мере сделать попытку...» Читатель не знает, где эта черная дыра.

Третье. «В конце концов она решит все проблемы. Именно она, потому что она сильная, сильнее всех остальных». Читатель будет гадать, кто самая сильная, – на первый взгляд Кирочка, а вот и нет.

Потом, в крайнем случае, можно про это вообще забыть.
– И я тебя умоляю, не забудь, что в кабинете Кирилла бесшумно бродит некто в сером, – напоследок напомнила Ольга.

Не знаю, зачем Ольге понадобилась мышь в кабинете, но пусть будет, как она хочет. Я всегда откликаюсь на просьбы – со мной лучше лаской. Драка хорошо, а ласка лучше.

Дальше все происходило, как в кино начала века – все двигались немного слишком быстро или чересчур медленно,

а если разговаривали, то фрагментарно и отрывисто, словно стесняясь друг друга. Но что же было делать гостям? Уйти домой? Какими словами можно было бы попрощаться: «Спасибо за чудесный вечер, до свидания» или «Сочувствую, что так вышло, всего вам хорошего»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.